

Эв Сагаи

РИТМ
ТИШИНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эв Сагаи

РИТМ ТИШИНЫ

«Автор»

2026

Сагаи Э.

Ритм тишины / Э. Сагаи — «Автор», 2026

Все близкие зовут его Сэлом - вторым именем, за которым он прятал свою обычную жизнь. Больше тридцати лет в большом городе, стабильный доход, крепкий брак. Всё было хорошо до тех пор, пока кошмары не привели его в кабинет врача. Джереми Кин - психиатр, который знает об изнанке реальности больше, чем хотел бы. Для Сэла он становится маяком в хаосе, в который превращается его жизнь. Пока привычный мир рушится, а в ушах начинает пульсировать чужой, пугающий ритм, доктор ведет его через неизвестность к единственному выходу. Сэл боится потерять себя. Джереми боится, что прошлое, которое он сам разрушал, настигнет их обоих. Какова цена за спасение и кто будет платить, когда тишина окончательно исчезнет? Готов ли Кин протянуть руку в самый темный час, если за это придется отдать собственный разум?

© Сагаи Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Часть 1. Джереми. С чего это началось. Глава 1.	6
Часть 1. Джереми. Глава 2.	13
Часть 1. Джереми. Глава 3.	20
Часть 1. Сэл. Сны или явь? Глава 4.	27
Часть 1. Сэл. Глава 5. Далеко от дома.	34
Часть 1. Сэл. Глава 6.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

РИТМ ТИШИНЫ

Пролог.

...и день, когда все разрушится
ты останешься один на свете, даже
не поймешь, что произошло когда
пепел от твоей жизни развеет
ветеря вспомню тот день, когда
тебя встретил. прощай. так жаль, что
нам с тобой
не повезло.

С виду молодой человек подошел к опушке старого леса. Он едва переставлял ноги, но каждый его шаг отзывался в пространстве странным, неестественным эхом. Шаг. Пауза. Шаг. Он встал напротив высоких деревьев, но ритм его шагов продолжал вибрировать в застывшем воздухе, как затихающий гул колокола. Воздух буквально остекленел от сырости. Ветер налетал резкими, рваными порывами, упрямо сгибая мохнатые хвойные ветви. В вышине хаотично носились свинцовые грозовые тучи. Ухмыльнувшись, он поднял взгляд на небо.

Серо-синие глаза незнакомца на секунду замерцали багровым, неживым пламенем. Не получив ответа, он высоко воздел руки, будто пытался дотянуться до самого сердца бури. С неба с треском вылетела слепящая молния, ударив в землю всего в нескольких метрах от него. Но человек даже не вздрогнул. Он слишком привык.

- Аккуратнее. Мне еще работать сегодня, - строгим, недовольным голосом попросил он у стихии и резко повел ладонью в сторону, цепляя воздушный порыв.

Воздушные вихри послушно сплелись в тугой узел. Ветер несколько раз лихорадочно поменял направление за пару мгновений, отчаянно протестуя против навязанной силы. Поморщившись от напряжения, мужчина запрокинул голову и прошипел:

- Эксперимент, не более. Связать параллели, переплести пару ближайших линий. Если это не поможет, быть может, хотя бы ускорит процесс...

Где-то в лесной чаще раздался раскатистый грохот, но он продолжал не отрываясь смотреть на тонкие струи в вышине. Над его головой зазмеились серо-черные струны. Они пожирали свет вокруг себя - перепутанные, хаотичные. Это были не просто линии, а параллели чужих миров, которые он, словно невидимыми шелковыми нитями, теперь планомерно стягивал друг к другу.

В этот момент тишину леса разорвал звук. Человек замер, чутко вслушиваясь в эхо. Но когда пространственные линии окончательно сошлись в одной точке высоко над его головой, он одним резким движением пальцев заставил их дрогнуть и лечь в новый, нужный ему порядок, полностью игнорируя протесты природы и всего мироздания.

Раздался оглушительный шум, похожий на раскат грома. Вслед за этим грохотом послышался сухой, страшный треск. Что-то разрывалось на части в самой ткани пространства. То, что никогда не должно было разрываться.

В ответ на этот первобытный кошмар он лишь удовлетворенно улыбнулся.

Часть 1. Джереми. С чего это началось. Глава 1.

В моей памяти школа осталась социальным адом. Начальные классы были еще легким испытанием, но средние и старшие - постоянная головная боль от того, как правильно себя вести, как взаимодействовать с одноклассниками, и иногда как выжить в целом. Оставалось совсем чуть-чуть до лета. Я спасался в тени большого дерева посередине газона между зданием школы и футбольным полем. Под этим деревом прошли лучшие минуты перерывов между уроками. Я решал задачи по химии или рисовал формулы, таблицы и разные геометрические графики. Но примерно раз в неделю меня все равно находили и награждали тяжелыми тычками. Просто за то, что я слишком сильно отличался от них, не поддерживал их шумные сборы и сторонился толпы. Иногда резкий запах свежескошенной травы на футбольном поле по соседству тошнотворно смешивался для меня с едким запахом дешевого дезодоранта моих учителей.

- Эй, ботаник! - я даже не обернулся и продолжал чертить бензольное кольцо, представляя, как оно распадается на атомы. Вместе с ними.

- Ты че тут опять малюешь, придурок?

Четверо недалеких парней из старшего, выпускного потока уже пару лет как решили, что доставать меня - лучший способ скоротать время между тренировками, столовкой и походами в кино с девушками.

- Кин, твои воображаемые друзья сегодня в школе или прогуливают?

Я игнорировал, к этим нападкам давно привык. Внезапно один из парней сильно толкнул меня в плечо. Я потерял равновесие и едва не полетел на землю. Продолжая молча слушать их издевки, спокойно поднялся и не самым твердым шагом направился в сторону главного входа. На крыльце как раз маячил дежурный охранник. Расстояние до спасительного поста составляло около тридцати метров. Они гарантированно перехватили бы меня уже на десятом шаге, если бы хоть на что-то отвлеклись. Увы, в тот раз удача оказалась не на моей стороне. Хлестким движением из моих рук безжалостно вырвали общую тетрадь. Внутри меня даже ничего не дрогнуло, пусть подавятся этой бумагой, ведь все важные вычисления я уже успел продублировать на флешку.

- Как ты будешь учиться без тетради, молокосос?

Я смог только безразлично пожать плечами и прибавить шаг. Общаться с ними было абсолютно бесполезно - я уже пробовал раньше решать подобные проблемы словами. Спасительное крыльцо уже показалось в поле зрения, но моё избивание, судя по всему, значилось обязательным пунктом в их сегодняшнем списке издевательств. На этот раз меня всё-таки сбили с ног. Я тяжело упал на асфальт, ободрав ладони в кровь. В голове промелькнула мысль, что теперь придется снова тратить кучу времени на идиотские объяснения с матерью. Тогда мне казалось, что лучше побуду в ее глазах обычным неуклюжим парнем, чем жалким ботаником, которого еженедельно избивают на заднем дворе.

Охранник заметил нас, и старшеклассники отступили. Они не желали вылетать за драки, поэтому сохраняли вид среднестатистических учеников. Я помыл руки и направился в класс.

Эта лаборатория страха наконец-то подошла к концу. После уроков мне категорически не хотелось ехать на душном автобусе, на улице стояла слишком хорошая, солнечная погода. Я спокойно шел вдоль обочины дороги, как вдруг сзади кто-то с силой толкнул меня прямо в лопатки. Уже улетаая на землю, краем глаза заметил, что шел вплотную к чугунному пожарному гидранту. На полной скорости я сокрушительно ударился об него левым виском. В глазах сначала ослепительно вспыхнуло, а затем наглухо потемнело. По телу прокатилась парализующая волна дикой боли. Кажется, из левого уха потекла горячая кровь.

- Ой, черт! Сваливаем! - в правом ухе приглушенно пронесся испуганный крик одного из тех, кто доставал меня с утра, а затем послышался быстрый, панический топот четырех пар ног.

Окружающий мир начал стремительно гаснуть, привычный счет времени исчезал. Я отчаянно пытался не уснуть, заставлял себя не терять сознание. Через какое-то время ко мне кто-то подбежал. Тут же началась суматоха, испуганные крики, хаотичные призывы вызвать скорую помощь или 911. На этом моменте плотная темнота окончательно взяла верх. Сквозь пелену небытия я еще улавливал удаленные всхлипы, тихие колыбельные мамы, тяжелый, прерывистый вздох отца, но все эти звуки были такими глухими, будто кто-то почти до предела закрыл мне уши руками. Мне казалось, что я умирал. Но это было лишь мое испуганное воображение. А затем и эти звуки окончательно ушли на глубину. Я больше не слышал сирену скорой помощи, зато отчетливо различал нарастающий, зловещий гул статического электричества.

Асфальт под моей щекой вдруг перестал быть твердым. Сквозь водную толщу я внезапно услышал размеренный, чужой ритм. Кто-то невидимый уверенно шагнул по мягкой, влажной земле.

На следующий день после инцидента у гидранта привычный ритм школы был окончательно нарушен.

В кабинет посреди урока без стука вошел хмурый офицер полиции и двое патрульных в синей форме. В застоявшемся воздухе класса мгновенно запахло мокрым шерстяным сукном и дешевым табаком. Молодая учительница от неожиданности выронила мел. Он даже не разбился, а просто с сухим стуком покатился под стол. Полицейские тихо, приглушенно сказали что-то мисс Миритан. Говорили настолько тихо, что даже ученики с первых парт не сумели разобрать ни одного слова. Хватило всего нескольких коротких, рубленых предложений, чтобы женщина нервно сцепила пальцы перед собой. После затянувшейся, гнетущей паузы она медленно повернулась к притихшему классу.

- Вчера, в три часа дня, несколько человек из нашего потока нанесли тяжелые увечья ученику. Это случилось всего в ста метрах от школьного двора. Мальчик сейчас находится в больнице, в критическом состоянии, - голос учительницы немного дрожал.

- Уличные камеры полностью зафиксировали весь инцидент, так что оправдываться или отпираться бесполезно, - добавил полицейский, заглянув в бумажку папку. - Клинт, Фирман, Стонберг, Джонс. Встать.

Все четверо обидчиков встали, и представитель закона обвел их безразличным взглядом.

- Пройдите с нами до выяснения всех обстоятельств. Мисс Миритан, директору передайте, чтобы немедленно вызывал в школу их родителей, - усталым тоном офицер дал указание учительнице.

- Это была случайность! - выкрикнул один из них.

- И вообще, я просто мимо шел! - парень указал на своего товарища, который сидел с ним за одной партой.

Третий лишь злобно сверкнул взглядом на испуганных друзей и обреченно опустил голову. Четверых вывели из класса. Дверь с тихим стуком закрылась.

- А как зовут того мальчика? - спросила одна из девушек.

- Джереми Эр Кин, - почти шепотом ответила учительница, судорожно опираясь ладонями о край стола.

Черный вакуум без дна прервался, я очнулся в больнице. В момент пробуждения рядом была мать и врач. Пальцы не отозвались. Тело превратилось в чужой мешок, набитый ватой, голова не соединена с остальным телом. Язык, впрочем, тоже весьма плохо подчинялся. Смог тихо прохрипеть единственный вопрос, который пришел в голову:

- Что со мной?

- Джереми, милый, не двигайся. Ты пролежал так два дня после операции.
- Операции? - шепотом спросил я, но тут в палату зашел врач.

Высокий, суровый мужчина лет пятидесяти внимательно осмотрел мои зрачки, проверил реакцию и отдал несколько быстрых указаний подошедшей медсестре. А затем, краем глаза просматривая медицинскую карту, он принялся монотонно перечислять диагнозы и назначения. Из всей этой сложной терминологии мы с матерью отчетливо поняли главное:

- У тебя был ушиб головного мозга. Мы блокировали развитие гематомы, успели вовремя. Будем наблюдать, необходимо чуть позже сделать МРТ. Сейчас тебе нужен отдых и покой.

- Понятно, - усмехнувшись, я ответил не очень внятно, со слегка заплетающимся языком. Мама посмотрела на меня, ее глаза блестели, но ничего не сказала.

Я закрыл глаза. Внутри, где-то за глазами, там, куда ударил чугун гидранта, что-то пульсировало. Это была не боль. Опять ритм. Медленный, тяжелый, как шаги кого-то очень большого в глубоком лесу.

Спустя несколько дней, когда мне стало чуть легче, мать принесла в палату свежий выпуск местной газеты. На четвертой полосе, прямо рядом с невзрачной рекламой химчистки, красовалось в рамке заголовка: "Трагедия у гидранта". Я тупо смотрел на черную типографскую краску, которая расплывалась перед глазами, и не находил слов.

Из тяжелых, прерывистых разговоров родителей я быстро узнал, что по суровым законам штата этой четверке грозил вовсе не банальный штраф. За умышленное групповое нападение с причинением тяжелых увечий их ждал реальный тюремный срок в колонии для несовершеннолетних.

Отец яростно, до хрипа спорил с адвокатами, настаивая, чтобы окружной прокурор требовал судить их по всей строгости взрослой уголовной статьи. Он хотел возмездия. Часть меня тоже хотела, но с другой стороны, я, в отличие от отца, слишком хорошо понимал законы школьного выживания. Если этих четверых действительно отправят за решетку, вся оставшаяся школа мгновенно превратит мою жизнь в стопроцентный, непрекращающийся ад. Меня признают стукачом, обвинят в разрушении чужих судеб, и травля со стороны остальных учеников станет такой, что я просто не смогу дойти до уроков. Именно поэтому, едва начав членораздельно говорить, я стал настаивать на том, чтобы их оставили на свободе. Я умолял мать пойти на компромисс. Пока шло следствие, окружная полиция временно отстранила всю четверку от занятий, а адвокаты их семей уже судорожно подсчитывали суммы медицинских счетов за мою операцию на мозге, которые им теперь в любом случае предстояло оплатить до цента.

Пока я лежал в больничной палате, родители и редкие одноклассники регулярно сообщали мне свежие новости - как школьные сплетни, так и сухие факты, которые удавалось узнать по ходу расследования. Отец с матерью откровенно бесились из-за моей упрямой пассивности в вопросе наказания обидчиков, но поделать с моим решением ничего не могли. Меня же в тот момент по-настоящему волновало только собственное состояние, медленное восстановление и то, что внутри головы периодически возникал этот пугающий ритм. Врачи хмурились над снимками МРТ. Аппарат во время процедуры выдал каскад помех, но в итоге они написали "патологий не обнаружено".

Первичная реабилитация началась лишь через две с половиной недели, когда я наконец-то сумел самостоятельно ходить, держась пальцами за стену коридора. В палату стали часто заглядывать те, кто учился со мной в одной школе. Они что-то без умолку говорили, дежурно спрашивали о моем самочувствии. Я отвечал им с огромным трудом, предпочитая просто молча слушать. Но они продолжали приходить, ежедневно распуская по округе новые слухи. Явились даже те, кого я раньше никогда не знал в лицо. Приходили даже девушки из того параллельного класса, где учились мои учителя.

Я не помнил их имен, зато отчетливо осознавал, что именно они чувствовали по отношению ко мне. Нет, это вовсе не было проявлением искренней заботы или внезапной симпатии - скорее, жалость пополам с брезгливым презрением. Они приносили соки и фрукты, которые мне категорически запрещали врачи, а самое главное - аккуратные списки пройденных на уроках тем. Улыбались они фальшиво, натянуто. Они приходили толпой лишь для того, чтобы поглазеть на "сломанную игрушку", а я смотрел прямо в их глаза и точно знал: в глубине души они отчаянно надеются, что я больше никогда не вернусь за школьную парту. На какое-то время я превратился в главный объект пересудов во всем округе. Но легче от этого мне не становилось.

Меня официально выписали только через месяц, и вся реабилитация перешла на домашний режим. Поначалу родители оставляли меня одного максимум на полдня, судорожно опекая каждый шаг. Но уже через две недели они получили серьезный выговор на работе за вечные пропуски и вынужденно вернулись к своему обычному трудовому графику. С утра до вечера я бродил по пустому дому неприкаянной тенью: иногда читал, иногда делал подробные конспекты научных аудиолекций, записанных на CD-дисках. Порой я часами слушал курсы по биологии, и сложные медицинские факты намертво вбивались в мою память, словно острые рыболовные крючки. В такие моменты голоса дикторов из динамиков начинали двоиться - я одновременно слышал их четкие слова и странный низкий гул, который, казалось, шел откуда-то из-под пола гостиной. Шаги. Тот самый тяжелый ритм. Временами это становилось невыносимым. Именно тогда я со всей отчетливостью понял, насколько мне тяжело без привычной школьной рутины, даже мне, замкнутому подростку, помешанному на точных науках.

Впрочем, я никогда не ощущал острой потребности говорить с кем-то по душам. Обычно наши дни проходили однообразно: отец до хрипа спорил с очередным адвокатом на кухне, а я в это время часами лежал на диване в гостиной и молча считал мелкие трещины на побелке потолка.

В то утро на улице было пасмурно, и как раз начинался мелкий, противный дождь. Несмотря на непогоду, я все-таки заставил себя выйти на короткую мини-прогулку. Я медленно шел вдоль серых домов своей улицы, меланхолично наблюдая за тускло горящими окнами и каплями воды, которые с тихим плеском разбивались о лужи, образуя концентрическую рябь. Внезапно всего в сотне метров от меня с оглушительным треском и резким хлопком ударила слепящая молния. От неожиданности я испуганно шарахнулся в сторону, мгновенно потерял равновесие и кубарем полетел на чей-то мокрый газон. Я инстинктивно закрыл голову руками, в ужасе ожидая неминуемой боли от остаточной отдачи электрического разряда.

- Кин, ты чего?

Справа от меня внезапно раздался чей-то веселый, звонкий голос. На этот оклик я осторожно открыл глаза, и по ним тут же сокрушительно ударил яркий, слепящий солнечный свет. К своему полному изумлению, обнаружил, что лежал на абсолютно сухом, приятном и теплом газоне, а на чистом синем небе не было ни единого облачка. Трое парней, с которыми я в своей школе раньше от силы мельком здоровался, стояли всего в паре метров от меня. Один из них лениво крутил в руках футбольный мяч. Тщетно пытаюсь сделать хотя бы один короткий, полноценный вдох, я с огромным трудом поднялся на ноги.

- А что... тут происходит? - голос прозвучал хрипло.

- Ты чего, дурак? - искренне вылутился на меня Дрейк. Вроде его так зовут, мы никогда не общались. - Мы же играем. Хватит изображать труп, если проигрываешь!

Я решительно ничего не понимал. И, что самое страшное, ничего не чувствовал. Единственным осязаемым ощущением было четкое осознание того, что это совершенно не тот газон, на который я упал всего секунду назад.

- Сколько времени?

- Без десяти пять, - Дрейк недоуменно посмотрел на свои наручные часы, а затем нетерпеливо прикрикнул: - Так ты в итоге играешь, Джейс?

Я вздрогнул. Меня никто из одноклассников так не называл. Они всегда обращались ко мне исключительно по полному имени или просто сухо окликали по фамилии. Сделав резкий шаг назад, я испуганно пробормотал:

- Нет, пора домой, родители просили... - резко развернулся и со всех ног рванул в обратную сторону.

В голове набатом стучал один-единственный вопрос: что только что случилось? Сколько времени я умудрился пропустить? Час? Месяц? Целую чужую жизнь? Неужели я как-то незаметно познакомился, подружился с этими ребятами и даже начал гонять с ними в футбол? Но куда, черт возьми, прямо посреди дня подевались грозовые тучи и проливной дождь?

Я буквально влетел в дом. В голове оглушительной барабанной дробью пульсировали панические вопросы. Сердце билось с бешеной, неестественной скоростью. Меня бы гарантировано вывернуло наизнанку, но желудок был пуст, внутри осталась лишь горькая желчь, которая нещадно рвала пересохшее горло. Тяжело, со свистом дыша, я несколько минут неподвижно просидел на полу в уборной.

Кое-как переведя дух и пытаясь окончательно прийти в себя, я вернулся в свою комнату. Там с изумлением обнаружил, что мои учебные конспекты по-прежнему актуальны на сегодняшнее число, но разбросаны слишком хаотично и никаких врачебных памяток о приеме лекарств на письменном столе не лежало. Хотя они обязаны были там находиться - после выписки из больницы у меня действовал строгий, поминутный режим восстановления. Подойдя к настенному зеркалу, я внимательно осмотрел собственное отражение. Вроде бы все осталось целостным и прежним, но подсудно я чувствовал: что-то стало совершенно не так. Я бессильно упал на кровать и сжался в плотный комок, наглухо закрыв лицо руками. Взбесившийся живот чуть успокоился, поэтому я сумел подняться через несколько минут и задумчиво посмотрел на свои ладони. Меня крупно трясло, но я все же умудрился заставить себя встать на ноги и подойти к окну, чтобы лично убедиться: за стеклом действительно стоит идеальная, солнечная погода. От безысходности я громко щелкнул пальцами прямо возле уха, отчаянно пытаясь заглушить этот невыносимый стук собственного сердца.

Новый раскатистый раскат близкого грома и пронизывающий ледяной холод заставили меня вновь содрогнуться от ужаса. В то же мгновение я резко подскочил на мокром газоне у дороги. Прямо на моих глазах, всего в сотне метров впереди, сокрушительно ударила очередная молния, оставив на дымящемся асфальте глубокую черную трещину.

Я судорожно, в панике принялся ощупывать собственные карманы куртки. Ладони коснулись насквозь влажной, холодной ткани. Никакого сухого теплого газона вокруг больше не существовало. Никакого летнего солнца. Только серое небо, усилившийся дождь и пульсирующая боль в левом виске.

Глядя на дымящуюся отметину на асфальте в ста метрах впереди, ощутил, как затряслись руки.

Это не был сон. Сны не оставляют послевкусия солнечного тепла на коже, когда ты стоишь под ливнем. И сны не способны менять чужое прошлое: в том, мимолетном мире у меня отродясь не существовало никакого режима реабилитации. В том мире я никогда не бился головой о гидрант.

Я медленно пошел обратно к своему дому, сильно пошатываясь на ходу. Весь окружающий мир казался мне теперь еще более хрупким, зыбким и иллюзорным, чем раньше. Словно я оказался единственным зрителем на этой планете, кто воочию заметил, как в старой киноплёнке грубо вырезали целый кусок и вклеили вместо него случайный фрагмент из совершенно другого фильма.

Кое-как добравшись, уже не стал заходить в уборную. А сразу направился к своему письменному столу. Больничная памятка о приеме лекарств спокойно лежала на своем прежнем месте. Конспекты тоже были старыми, исписанными исключительно моей рукой.

Той ночью мне совершенно не спалось. Я лихорадочно искал в медленном интернете хоть что-то, что могло бы логически описать странные вещи, приключившиеся со мной за этот безумный день. Я вбивал в поисковик запросы, надеясь найти серьезные научные статьи о “расщеплении сознания при тяжелых черепно-мозговых травмах”, но так и не обнаружил внятных ответов. В полном отчаянии я спустился в дебри старых, полузаброшенных литературных форумов и окончательно провалился в эти цифровые архивы, где случайно наткнулся на любительский рассказ в жанре фантастики. Меня до глубины души зацепило то, что главный герой перемещался между параллельными мирами, а в финале отчаянно пытался прекратить это, когда вся его привычная жизнь полетела к чертям из-за неконтролируемых прыжков. Прочитал этот текст по диагонали, периодически скептически хмыкая от откровенного бреда автора. Но одновременно с этим я дико злился на самого себя за то, что в поисках реальных ответов о своем рассудке опустил до банальных сказок. Я перевел усталый взгляд на настольные электронные часы - дисплей тускло светился в темноте, показывая половину шестого утра.

Через час проснулись родители.

- Сынок, мы на работу. Ты обещал весь день быть дома и часто лежать.

- Окей, - я даже не обернулся, чтобы посмотреть матери в глаза.

Ее заботливый голос доносился до меня из-за дверного проема как монотонный белый шум из старого, неисправного динамика. Она что-то привычно говорила о пользе свежего воздуха и пропущенных уроках, виновато извинялась за их вечное отсутствие, напоминая, что им сейчас необходимо всю оплачивать огромные счета из больницы, пока идет судебное разбирательство. А я в это время тупо смотрел на собственные ладони и гадал, в какой именно из параллельных реальностей они сейчас физически находятся.

Внизу наконец-то хлопнула входная дверь, и я остался в абсолютном, звенящем одиночестве. Закинув в рюкзак чистую тетрадь и лично убедившись из окна, что родительская машина точно отъехала далеко от квартала, я решительно вышел на улицу.

Сегодня мне жизненно необходимо было сходить в школу. Первым уроком в расписании значилась химия, и мне до боли хотелось лично проверить свои безумные догадки с теми “новыми друзьями” из солнечного мира. Не обращая ни малейшего внимания на раскалывающуюся голову, быстрым, но не очень ровным шагом направился в сторону автобусной остановки.

За несколько минут до начала урока я решительно подошел к компании тех парней, с кем вчера вроде как гонял мяч, и напрямую обратился к Дрейку.

- Привет, Дрейк! - выдавил улыбку. Реакция трех футболистов была неоднозначная, они удивились моему поведению. - Я тут подумал... Вы играете в футбол сегодня, как и вчера? Может, мне с вами опять?

- Кин, ты таблеток перепил? - наконец ответил Дрейк грубым тоном. - Мы с тобой в жизни не говорили, какой футбол?

- Ну ладно, - пожимая плечами, я направился дальше.

Вошел в класс и сел за последнюю парту. Я аккуратно вытащил из рюкзака тетрадь и твердой рукой поставил галочку напротив самого первого пункта несовпадения с моим вчерашним эпизодом: “1. Дрейк не помнит вчерашнюю игру”.

В этот момент в кабинет химии неспешно зашел мистер Лонгс. Он обвел спокойным, привычным взором учеников, и его взгляд мгновенно задержался на мне.

- Кин? Что ты здесь делаешь? - учитель вскинул брови. - Разве ты не должен находиться дома на строгой реабилитации до полного восстановления?

Весь класс обернулся.

- Должен, мистер Лонгс. Но меня отпустили на ваш урок, - от этой фразы на лбу выступила испарина.

- Да ну? А что если я позвоню твоим родителям и спрошу? - преподаватель внимательно посмотрел на меня.

- Хорошо, мистер Лонгс.

Мне было уже абсолютно все равно, свою главную задачу на сегодня я здесь уже выполнил. Преподаватель внезапно замер с зажатым в ладони телефоном. Его взгляд быстро скользнул по моему левому виску - туда, где кожа под волосами всё еще была стянута багровым хирургическим швом. В классе воцарилась тяжелая тишина. Мужчина судорожно сглотнул и поспешно отвел глаза в сторону, словно перед ним сидел настоящий покойник, который просто случайно перепутал двери.

- Садись, Кин. Только, ради всего святого, не смей умирать на моем уроке, - он как-то грустно посмотрел на всех. - Из-за того, что Кин решил навестить нас именно сегодня, запланированный тест мы отложим на следующее занятие. Сегодня поговорим о бимолекулярных реакциях...

Это заявление мгновенно вызвало среди учеников волну бурного одобрения. Мое внезапное появление наделало слишком много шума и, видимо, окончательно лишило покоя преподавателя. Большинство попросту не способны были выучить даже тот минимум, который Лонгс давал в своих проверочных работах. Не говоря уже о том, что с каждым разом его задания становились все проще и проще.

Я устало откинулся на спинку стула и отрешенно посмотрел в окно. На улице давно не было так дождливо, но тяжелые тучи уже стремительно собирались на самом горизонте. В моей голове отчетливым, тяжелым пульсом бились чужие, пугающие слова: классификация Тегмарка, синдром саванта, мультивселенные, альтернативный...

- Кин!

- А?.. - я выпал из потока своих мыслей.

Оказывается, меня уже какое-то время настойчиво звал мистер Лонгс, и, судя по заинтересованным взглядам одноклассников, делал он это далеко не в первый раз.

- Какая кинетика бимолекулярных реакций в твердых телах и жидкости? - с легким вызовом спросил учитель.

- Равновесная, - автоматически выдал я. Мне здесь даже не пришлось особо думать, подробно читал об этом буквально на днях, пока лежал дома.

- Хорошо, - кивнул Лонгс, чуть подняв брови от удивления. - Свободная передача атома

Я снова перестал слушать, уткнувшись в тетрадь. Думал, пытался понять, что происходит со мной и этим местом. Фоновая лекция не сильно мешала, но звучала как помехи. Мне жизненно необходимо было уединиться.

Часть 1. Джереми. Глава 2.

После химии в расписании значился перерыв около тридцати минут. Но особого смысла идти на следующие уроки для меня уже не было. Если мистер Лонгс еще готов был простить мне самовольное нарушение режима реабилитации, то строгий учитель биологии подобную дерзость вряд ли бы спустил с рук. Я неторопливо подошел к своему любимому раскидистому дереву и привычно сел на пожухлую траву под ним, меланхолично наблюдая за хаотичным мельтешением учеников на школьном дворе. Я раскрыл тетрадь и записал на чистом листе: “2. Влажность упала с 80 до 20 процентов за ноль секунд“. Тут же раздраженно перечеркнул строчку ручкой - это и так было предельно понятно. Обещанный дождь так и не начался.

- Джереми Кин?

Незнакомый женский голос заставил меня инстинктивно вздрогнуть. Повернув голову, я увидел симпатичную девушку. Если я не ошибался, она училась в том же классе, что и те четверо, кто меня постоянно доставал. Она пользовалась в школе популярностью, и многие из местных спортсменов безуспешно пробовали к ней подкатывать. Наверняка она встречалась с кем-нибудь из старшекласников, потому что я ни разу не видел ее в компании знакомых мне парней своего потока.

- Да, - кивнул в знак подтверждения и отвел взгляд.

- Я Эмили Вэлс. Учусь... с теми, кто тебя обидел, - ее смутило такое представление, а у меня вызвало лишь усмешку.

- Никто не обижал, просто неудачно получилось, - я снова посмотрел на нее.

- Ты серьезно? - на лице застыло удивление, - Да они же тебя там чуть не убили! Ты получил страшную травму головы. Послушай, ты не против, если я посижу немного рядом с тобой?

Я молча покачал головой, и она грациозно опустилась на траву по соседству. Судорожно прижимая к коленям небольшую сумку, Эмили явно сильно нервничала. Я внимательно смотрел в ее зеленые глаза и тщетно пытался вспомнить: а были ли они такими же зелеными в том, мимолетном солнечном мире? Там, где Дрейк на ходу панибратски звал меня Джеем - была ли в той реальности эта Эмили?

- Даже если я в итоге загремел в больницу, в этом виноваты не только те, кто меня толкнул, - я снова цинично усмехнулся в ответ на ее бурное замечание. - Я ведь и сам мог бы упасть куда более удачно.

- Я давно наблюдаю за тобой, Кин. Ты ведь, кажется, очень хорошо учишься, да? - спустя минуту молчания, выпалила она.

- Есть немного, но не всегда и не везде, - я кивнул. Мой ответ был не совсем корректным, ведь по-настоящему успевал я только по тем сложным наукам, которые мне искренне нравились. - Скажем, в классах миссис Гаррет я веду себя, как отсталый.

- Да у нее каждый первый так себя ведет, - Эмили облегченно и очень искренне рассмеялась, и это мгновенно разрушило остатки неловкости между нами.

- Если ты пришла за какой-то помощью, то у нас разные программы. Ну, разве что в химии могу что-то подсказать, поскольку часто читаю научную литературу за рамками школьного курса, - иначе не понимал, зачем ей подходить ко мне, разве что за какими-то конспектами.

- Нет, нет, - переубедила она, чем еще больше запутала. - Я просто решила по-человечески спросить, как у тебя дела? Ты ведь только недавно лежал в больнице.

- А. Нормально все. Домой пойду сейчас.

- Ясно, - в голосе Эмили послышалось легкое разочарование.

Мне внезапно подумалось, что в этой ситуации можно было и рискнуть. Терять мне все равно было нечего.

- Я стараюсь сейчас не выходить часто из дома, но в целом хотел бы немного прогуляться. Не хочешь встретиться в пятницу? - спросил, сохраняя напускное равнодушие.

- С радостью, - тон девушки сразу поменялся. Заметно повеселевшая, она поднялась на ноги, помахала мне рукой и быстрым шагом направилась в сторону школьного здания.

Я же неторопливо встал со своего места лишь через десять минут и медленно побрел в противоположную сторону.

Меня никогда прежде не замечали противоположный пол в школе, особенно такие яркие старшеклассницы, как Эмили. Поскольку я всегда оставался в стороне от всяческих шумных посиделок и массовых мероприятий, обо мне в этих стенах толком ничего не было известно. Она гарантированно согласилась из чистого, праздного любопытства. Я был для нее редким, диковинным экспонатом, тем самым “выжившим”. Ей, скорее всего, хотелось почувствовать себя благородно причастной к чужой, страшной боли. Или же она согласилась просто потому, что ей было дико любопытно мимоходом присвоить себе все внимание парня, который чудом уцелел у гидранта?

Обещанный ливень все-таки начался, и я вынужденно прибавил шаг. Где-то совсем вдали раскатисто прогремел первый гром. Невольно поежился от этого глухого грохота, хотя, сколько я себя помнил, никогда не боялся обычных гроз до вчерашнего злополучного дня. Я попытался еще сильнее ускориться, но буквально через полминуты в глазах начало стремительно темнеть, а к горлу подступила тошнота, и пришлось резко снизить темп.

Все-таки врачи оказались полностью правы: мое восстановление еще очень далеко от завершения. А в ушах навязчивым, зловещим набатом монотонно звучал тот самый чужеродный ритм, который фатально, ломано не подходил к естественному ритму биения моего собственного сердца.

Моя прежняя “простая” жизнь неумолимо подходила к логическому концу. Весь май состоял из бесконечных тестирований. Я тратил бесчисленные ночные часы и тонны нервов перед сдачей контрольных работ по тем сложным предметам, где я, мягко говоря, откровенно плавал. К счастью, преподаватели вовремя осознали, насколько огромные проблемы у них возникнут, если они вздумают валить меня на аттестации. Если бы я, к примеру, внезапно потерял сознание или умер прямо посреди экзамена из-за последствий травмы, у школы тут же начались бы серьезные судебные разбирательства. Поэтому мне официально сделали несколько весомых поправок. Это вызвало волну глухой негативной реакции со стороны некоторых учеников, но, видимо, я напрасно так сильно переживал по этому поводу.

Двадцать третьего мая состоялся торжественный выпускной вечер потока Эмили. Праздник завершался шумной дискотекой, на которую она очень сильно хотела пойти именно со мной. И на которую я сам категорически не желал являться, поскольку понимал: ничего хорошего мне этот душный вечер не сулит. Плотные толпы, невыносимая духота и сильный музыкальный шум гарантированно обеспечили бы мне дикие головные боли, которые после того инцидента у гидранта стали моим регулярным делом. Лечащие врачи лишь разводили руками и дежурно советовали мне как можно чаще дышать свежим воздухом и чаще проверять артериальное давление, а еще пить обезболивающие. Они попросту не могли заметить тонких изменений в моем мозгу, поскольку регулярное проведение МРТ и детальное сканирование шейного отдела позвоночника, по их словам, не имело никакого медицинского смысла. Все базовые клинические показатели после первичного восстановления приходили в норму.

Эмили сама категорически настояла на нашем официальном появлении на публике. В стенах школы мы почти не пересекались, а если и сталкивались случайно в коридорах, то никогда открыто не показывали окружающим нашу связь. Я заехал за ней ровно в семь вечера.

Сколько же искреннего, немного удивления на лицах школьников я ловил в те минуты, когда они замечали меня посреди этого шумного праздничного мероприятия, да к тому же далеко не в одиночестве.

Когда мы вместе вошли в украшенный актовй зал, местные компании высокомерных футболистов на полуслове притихли. На Эмили было надето короткое платье насыщенного синего цвета, а я осознанно выбрал простое серое поло, чтобы максимально бесшовно слиться с густыми тенями по углам зала. Но мы все равно отчетливо слышали их. Изменившийся тон, завистливые интонации и косые взгляды вчерашних мучителей были весьма красноречивыми.

- Ничего себе... Это что, Кин пришел с девушкой? - перебрасывались фразами мои одноклассники.

Их шепот лился мне в уши, как сточные воды. Я не слушал слова, а считывал частоту этих голосов. Зависть пахла дешевым пуншем и потом. Для них я был системным сбоем: ботан с красоткой на год старше.

Все это висело мрачной тучей над моей головой, я слишком хорошо слышал их язвительные комментарии. Но присутствие симпатичной девушки развеяло эту мрачную пелену. Я ненавидел танцы. Поэтому пересилить себя мне удалось всего на пару треков. Заметив на моем лице всю гамму откровенного отвращения к происходящему на танцполе, Эмили улыбнулась и предложила пойти отдохнуть. Мы поспешно ушли со света и сели на пластиковые стулья у стены, в самом дальнем и темном углу актового зала.

- Столько шепота про нас, - задумчиво сказала она, рассматривая толпы танцующих. Я кивнул, и она рассмеялась. - Ты мне нравишься, Джереми.

Это внезапное признание заставило меня инстинктивно вздрогнуть. Как вообще мог такой замкнутый, нелюдимый парень, как я, кому-то искренне нравиться? Во мне мгновенно проснулся азарт исследователя, и я прямо задал ей этот вопрос.

- Ну, ты довольно симпатичен внешне, - поправила челку Эмили, - Ты хорошо разбираешься в сложных точных науках и уже сейчас четко знаешь, чем именно хочешь заниматься в будущем. А еще ты категорически не любишь разговаривать впустую.

- Никогда так не думал. Интересно.

Эмили ласково протянула руку и слегка потрепала меня по коротко подстриженным волосам. Они еще не успели нормально отрасти после больницы.

- Эти спортсмены и раздолбаи вообще не понимают, в чем их предназначение. А ты...

Она коснулась моего виска. Пальцы были холодными, как лед.

- Ты теперь другой, Джереми. В твоих глазах... серая пустота, как туман. Мне нравится эта пустота. В ней можно спрятаться.

Эмили потянулась ко мне и поцеловала в щеку. С трудом перебарывая смущение, ответил тем же, и через пару мгновений мы перестали быть похожи на пару детсадовцев. Она отлично целовалась, хотя сравнивать было не с кем, просто судил по реакции моего тела. Я готов был тогда поставить сто долларов против одного, что нашу близость в углу зала отчетливо видели все на танцполе. И что теперь мое шаткое положение в школьной иерархии обязано было либо слегка улучшиться в социальном плане, либо, напротив, окончательно ухудшиться. Если какой-нибудь агрессивный фанат Эмили из числа спортсменов внезапно решит мне отомстить. Невзирая на все мои опасения, мы все-таки стали парой, скрепив этот странный союз безмолвным согласием.

Спустя время она даже призналась мне в минутном порыве откровения:

- Я ведь в те майские дни безумно хотела пойти в больницу вместе с девочками, чтобы просто лично посмотреть на тебя. Но вовремя решила, что это будет крайне неразумно... Боялась, что ты с ходу примешь меня за обычную фальшивую показушницу.

После выпускного бала даже внезапно разразившаяся ночная майская гроза так и не смогла потревожить наш хрупкий покой. Всплеск бушующих подростковых гормонов на время

оказался сильнее любых внешних раздражителей. И только потом, когда в небе раскатисто громыхнуло, я судорожно зажмурил глаза и намертво зажал уши ладонями. Мне с огромным трудом удавалось удерживать себя в руках, балансируя на грани панической атаки. Но человеческое желание в тот раз пересилило первобытный страх. Как это обычно со мной и бывало.

Открывая глаза в то утро, мне показалось, что привычное время остановилось. Стены были не родными, но знакомыми. Где же я видел их? Мобильный телефон на прикроватном столе настойчиво и громко вибрировал. На светящемся экране отображался незнакомый контакт. Я недоуменно нажал кнопку ответа и поднес трубку к уху:

- Джеееей! Через час сбор на краю поля, идеешь?

- Что?

- Ну ты чего?! - обиженно взревел в трубке незнакомый голос, принадлежащий моему ровеснику. - У нас же решающий матч, а ты какого-то дебила из себя строишь. Ждем тебя, короче.

- Но я... - короткие гудки прервали звонок.

Я встал с кровати и снова заметил, как сильно изменилось все окружающее меня пространство. Одежда не была той, которую я складывал на днях в шкаф. Эта комната была пугающе похожа на мою собственную, но буквально каждая мелочь в ней была совершенно не той. А затем мой взгляд зацепился за стопку книг на рабочем столе. Где, черт возьми, мои привычные продвинутые учебники по химии? И почему вместо них здесь повсюду лежали какие-то аляповатые листовки по защите окружающей среды? В ушах внезапно начало звенеть, а перед глазами снова поплыла плотная серая пелена. Потусторонний гул стремительно нарастал, и я, вскрикнув от резкой вспышки боли в виске, тяжело рухнул на колени прямо на пол, отчаянно пытаюсь восстановить сбившееся дыхание. Через одно мучительное биение сердца в дверь этой чужой комнаты настойчиво постучали.

- Джей, почему ты до сих пор не собран? Ты почему не идешь на футбол?

- Позже, пап, - отмахиваясь, сел за стол и попытался найти в стопке тетрадей что-то дельное.

- Что с тобой? - голос стал обеспокоенным. В этом мире мой отец не разочарован во мне. И это делало его абсолютно чужим.

- Все нормально! - пытаюсь отвязаться, продолжал поиски. Раздалось хмыканье отца и шаги, наконец ушел.

Ничего нет из моих наработок... Но тут мой взгляд упал на раскрытый и включенный ноутбук. В истории поиска интернет-браузера последними злоеюще светились ровные строчки поисковых запросов: "потеря памяти", "внезапная телепортация", "путешествия в другие миры", и еще несколько фраз из той же безумной серии.

У меня внутри все заледенело. Что, если я... То есть, если мы с ним... Неужели мы действительно каким-то образом... поменялись местами? Я вскочил на ноги и принялся судорожно думать, меряя шагами комнату. Как мне теперь отсюда выбраться?

Очевидно, что мы с ним не были идентичными копиями. Этот параллельный Джей активно занимался спортом и явно не особо увлекаясь учебой, хотя, судя по всему, определенные базовые склонности к биологии и химии у него имелись. Иначе зачем в его комнате лежал этот очень дорогой, редкий профессиональный биологический атлас? А главное - может быть, он в своей реальности никогда не подвергался жестоким издевательствам в школе? Соответственно, он не получал ту травму у пожарного гидранта, как я. Что же еще? Да, у него совершенно точно имелись близкие друзья из класса. Тот самый Дрейк, или как там его звали в моем мире.

Я медленно подошел к окну. Там вовсю полыхал солнечный день и зеленел аккуратно подстриженный газон. Задумчиво пощелкал пальцами обеих рук и тут же физически ощутил,

как плотная реальность вокруг меня начинает мелко вибрировать. Я еще раз резко щелкнул пальцами, именно в тот микроскопический момент, когда потусторонний ритм в моей голове идеально совпал со звуком сухого щелчка.

В следующую же секунду подо мной оказался вовсе не мягкий ковер чужой комнаты, а жесткий матрас моей собственной кровати.

Двадцатое октября. Мне шестнадцать. Я обнимал Эмили, но чувствовал, как мои пальцы зудят от желания щелкнуть. Один мир пах ее духами, другой - коротко стриженным газоном, где "тот" Джереми на досуге гонял мяч. Я жил на два фронта, и эта ментальная растяжка между реальностями причиняла почти физическую боль. Перемещаясь почти контролируемо между двух похожих, постепенно, узнавал больше другого себя.

Внутренняя механика переноса со стороны выглядела простой, но на деле она безжалостно выпивала из меня абсолютно все силы. Щелчок пальцами являлся лишь внешним, триггерным жестом - своеобразной командой "пуск". Все самое главное происходило глубоко внутри: мне необходимо было ментально нащупать невидимые параллели и поймать тот самый аномальный ритм и сопоставить с биением моего сердца. И заставить эти частоты - словно это были звуки двух разных вселенных - войти в жесткий, физический резонанс. И в эту самую секунду - сделать резкий щелчок пальцами.

Поначалу получалось далеко не всегда, но в одном случае из трех прыжков стабильно удавался. Чуть позже я довел эту статистику до двух успешных переносов из трех. Но если резонанс со свистом срывался и ничего не получалось, весь остаток дня и последующей ночи я оставался абсолютно без сил, мне приходилось часами пластом отлеживаться на кровати, приходя в себя.

А еще вещи. Если какой-то неодушевленный предмет в момент прыжка находился в непосредственном физическом контакте с моей кожей, он перемещался вместе со мной. Я окончательно понял это, когда случайно забыл свой сотовый телефон в кармане джинсов, а затем целенаправленно проверил эту гипотезу на нескольких мелких вещах, которые умышленно клал в карманы одежды, максимально близко к телу.

Тот, параллельный Джереми жил совершенно иначе, и мне было искренне приятно от одной только мысли, что хоть в какой-то из вселенных я не являюсь настолько безнадежным. Мне было дико интересно, куда именно он готовится поступать через два года. Я отчаянно надеялся, что его выбор падет на что-то близкое моим собственным интересам.

Эмили вскоре пошла на подготовительные курсы, чтобы успешно поступить в следующем году в университет, и из-за этого мы стали видаться гораздо реже. Но неизменно находили свободное время по выходным. Она твердо решила учиться на экономическом факультете в нашем родном городе. И это решение, увы, в корне не вязалось с моими собственными масштабными планами на будущее. Но мне было по-настоящему страшно смотреть вперед, когда мы оказывались наедине в полумраке комнаты. С каждым прожитым месяцем предстоящая, неизбежная разлука давила на меня все сильнее.

- Так что же ты ждешь?

Я мягко улыбнулся и поцеловал ее, крепко обнимая за тонкую талию. Мы оба старательно, по минутам выкраивали время, чтобы как можно дольше просто быть рядом.

- Не хочу разлучаться на месяц, - прошептала Эмили. - Но ты твердо все решил. Обещай, что приедешь через три недели.

Медицинский университет. Отделение психиатрии. Я маниакально хотел найти в толстых академических учебниках хоть какое-то официальное название для того ритма, который непрерывно бился в моем левом виске. Хотел наконец-то понять, почему мой собственный ушибленный мозг работает как неисправный радиоприемник, настроенный на две разные станции сразу. К огромному сожалению для нас обоих, профильных мединститутов в моем родном

городе не имелось, поэтому мне требовалось уехать за добрую тысячу километров от дома. И я должен был уехать уже этим летом, поскольку был намерен провести целый год на местных подготовительных курсах, а свою школу закончить экстерном. Жизнь в огромном студенческом общежитии поначалу казалась мне совершенно невыносимой, но в итоге я все же получил небольшую угловую комнату на самом последнем этаже. Моим соседом оказался парень по обмену, который учился в совершенно другую смену, что гарантировало мне хотя бы временное уединение.

Никому не рассказывал о своих отклонениях. На то существовала куча причин, и первая среди них - неуверенность в своей адекватности. Иначе почему меня стало "выкидывать" после травмы. Я не отважился проверять до тех пор, пока не уехал. Сухой щелчок пальцами, ломаный Ритм в виске, физический резонанс со стуком сердца. Перемещение. Но не туда, куда хотел.

Я угодил в совершенно иной, чуждый мир. Мой трехмерный разум с ходу наотрез отказался адекватно воспринимать объекты, искаженные четырехмерной плоскостью. Меня дико, до судорог стошнило всего через пять секунд пребывания в этом кошмаре. Именно пять, я отчетливо видел, как эти секунды противоестественно тянутся во времени, словно густой расплавленный гудрон. Подобное практически невозможно внятно описать человеческими словами: когда ты воочию видишь собственное тело сразу в еще одной, лишней пространственной плоскости, мозг попросту отключается, отказываясь понимать что-либо.

Если в той изнанке и существовало хоть что-то привычное - дома, улицы или живые люди, то я физически не мог их разглядеть из-за того, что мой биологический организм был абсолютно не готов к восприятию этой вселенной. Я одновременно видел изнанку собственных закрытых век, спину соседа, спящего за тонкой стеной общежития, и скрюченные корни деревьев глубоко под бетонным фундаментом здания. Пространство вокруг меня вывернулось наизнанку, как старая перчатка. Мой разум буквально захлебнулся в панической попытке склеить этот безумный визуальный фарш воедино.

Меня сокрушительно выбросило обратно в мою комнату, и затем целые сутки я потратил исключительно на то, чтобы восстановить нормальную координацию и работу измученного тела. Меня непрерывно выворачивало наизнанку, я физически не мог ни есть, ни пить. После этого тяжелого урока еще месяца полтора вообще не рисковал даже близко подходить к опасной черте с подобными горе-экспериментами.

Впрочем, у меня в этой реальности по-прежнему оставалось одно незаконченное дело, которое требовалось разрешить во что бы то ни стало. А уже потом можно было снова рисковать и заниматься пространственными перемещениями.

Я подумал еще тогда, что в ту жуткую изнанку меня вышвырнуло исключительно из-за колоссального стресса. Изнурительная сдача экзаменов экстерном, панический страх перед грядущим переездом в чужой город и давящая тоска от скорой разлуки с Эмили напрочь сорвали тонкие внутренние настройки моего ушибленного мозга.

Мне необходимо было сдать финальные экзамены в школе, так что на время я вернулся в родной город. Едва приехав домой, быстро переоделся и со всех ног рванул к ней. Когда Эмили открыла мне дверь, я сразу же заметил какую-то странную, давящую неловкость в ее поведении. Мы сели на диван в гостиной и привычно обнялись. И тут она заговорила. Я уже плохо помнил, какие именно слова она подбирала тогда, но вся суть сбивчивой речи сводилась к одному: ей невыносимо тяжело быть далеко от меня, она панически боится, что в мегаполисе я быстро найду себе кого-нибудь с похожими научными увлечениями. А в конце она призналась, что на своем потоке уже познакомилась с неким Тони. Я спокойно кивнул, тихо произнес сухое «окей» и медленно поднялся с места. Эмили что-то отчаянно кричала мне вслед, внезапно сильно разрыдалась. Но твердым, размеренным шагом я дошел до прихожей. У самой двери я в последний раз взглянул на свою первую любовь, она стояла в нескольких метрах от меня, заплаканная и растерянная. В моей голове в ту секунду не осталось абсолютно ничего,

кроме звенящей, ледяной тишины. Наша первая встреча, то, как мы подолгу проводили время под деревом, наш первый несмелый поцелуй, первая близость и первый серьезный разговор - все пролетело перед глазами в одно мгновение. Словно я просто посмотрел на старую разбитую чашку, которую и без того давно собирался выбросить.

Тишина в ушах была такой плотной, что я перестал слышать всхлипы Эмили. Я видел, как шевелятся ее губы, но звук резко утонул в гуле ритма. И закрыл за собой дверь. Она звонила и писала весь остаток субботы и воскресенье, извиняясь за все. Но я мгновенно отпустил. Я и сам не знал, что умею так хладнокровно выжигать людей из памяти. Любовь на расстоянии в итоге не удалась ни мне, ни Эмили. Я и раньше знал, что через год, когда она поступит на экономический факультет по специальности вроде менеджмента, возникнет огромная математическая вероятность нашего расставания, ведь она в любом случае смогла бы найти себе кого-то прямо там, в университете. Это было слишком легко предугадать наперед. Единственное, чего я тогда не учел - это то, что я сам сумею настолько равнодушно отреагировать на ее виноватый голос в телефонной трубке, на эти слезы. К моему благу, это выяснение отношений продлилось всего одни выходные. Настоящая, пугающая пустота в душе возникла лишь тогда, когда я окончательно осознал, насколько все наши отношения в итоге оказались эфемерными и хрупкими.

Часть 1. Джереми. Глава 3.

Через пару недель я вернулся обратно в корпус студенческого общежития, и моя изнурительная подготовка к поступлению благополучно продолжилась. Отчаянно отвлекаясь от мрачных мыслей, я полностью, с головой погрузился в углубленное изучение биологии, химии и физиологии. Мне предстояло еще очень многое выучить и закрепить на практике. Эмили еще долго продолжала мне сниться. Первая любовь не забывается, видимо, люди вокруг говорят чистую правду. Сосед по комнате как-то мимоходом упомянул, что я часто шептал во сне ее имя. А я в этих сонных видениях лишь смутно созерцал ее далекий образ, в глубине души желая всего на мгновение еще раз погрузиться в те чистые, безопасные чувства, которые испытывал раньше. Вообще, я часто видел сны, связанные исключительно с позитивными моментами моей прежней школьной жизни. Я безумно скучал по родному дому.

Но даже невзирая на все, что навалилось на меня в последнее время, исследовательский интерес к тому, что происходило за пределами этого физического пространства, неизменно оказывался гораздо сильнее страха. И в один из вечеров я снова решил на перемещение.

На этот раз меня выбросило именно туда, куда нужно - в уже знакомую солнечную реальность. Тяжело выдохнув и мысленно содрогнувшись при одном лишь воспоминании о том аде, куда меня в прошлый раз зашвырнул стресс, я осторожно осмотрелся по сторонам. Меня все еще слегка трясло мелкой дрожью.

Оказалось, "тот" Джей решил поступать на юридический факультет. С его-то упрямой тягой к справедливости и праву... Я быстро пролистал закладки на включенном ноутбуке. Компьютерная память хранила лишь бесчисленные страницы о защите гражданских прав и сухие статьи про какие-то местные юридические организации. Ладно, в конце концов, ему было виднее.

Я искренне улыбнулся и размашистым почерком написал в открытой на столе тетради несколько коротких предложений: "Привет, другой Джереми. Я - твоя параллельная копия. Или ты - моя параллельная копия. Надеюсь, у тебя все в порядке".

Щелкнув пальцами, я запустил перемещение назад, перед глазами потемнело и спустя минуту зрение прояснилось, на двадцатый этаж общежития. Мир не просто потемнел - он вывернулся. Я больше не прятал лицо, я смотрел в упор, как слои реальности напозают друг на друга, будто сдирая с меня кожу. Каждый раз после переноса я отчетливо ощущал, что какая-то важная ментальная деталь безвозвратно меняется вокруг, или же меня просто жестоко выворачивало наизнанку и намертво вырубало на весь остаток дня.

Перед сном того же дня меня внезапно резко бросило в парализующую дрожь. Я отчетливо понял: если моя альтернативная копия в своем солнечном мире тоже однажды научится делать то же самое, что и я, то эти неконтролируемые прыжки точно так же разрушат его благополучную жизнь. Впервые в жизни мне до безумия захотелось помолиться хоть какому-то богу, чтобы этого никогда не произошло. Сосед иногда спрашивал:

- Чувак, ты вчера вечером сидел за письменным столом и в какой-то момент просто замер на пять минут, вообще не дыша. С тобой точно все ок?

Но недели послушно шли одна за другой, и больше ничего из ряда вон выходящего не происходило. Зима в мегаполисе наступила быстро, точнее, абсолютно вовремя. Мне стало постоянно, мучительно холодно. Дошло до того, что я ходил на университетские семинары, укутавшись в теплый плед. Мой сосед через электронный переводчик настойчиво посоветовал мне заняться регулярными физическими нагрузками, чтобы хоть как-то нормализовать поплывшую работу сердца.

К счастью, при нашем институте прямо на первом этаже находился неплохой тренажерный зал, куда я в итоге и записался. Все те деньги, которые я больше не тратил на романтиче-

ские свидания с Эмили, теперь легально уходили на оплату годового абонемента. В зале впервые я увидел искусство под названием “катори”. Пожилой тренер, критично и хмуро осмотрев мою худошавую фигуру, без лишних слов выдал мне простую деревянную палку - боккэн, хотя у остальных пяти участников урока в руках были полноценные тренировочные мечи из тяжелого дерева.

- Еще не время, - намекнул он на мою физическую подготовку.

С того дня я стал фанатично ходить на эти изнурительные тренировки три раза в неделю. Час я проводил на обычных силовых тренажерах, еще час - с деревянными мечами в руках. Там же, по личной инициативе наставника, нас параллельно учили жестко драться вообще без какого-либо оружия. Он часто повторял нам: “Мало владеть клинком в совершенстве, если вы до сих пор не научились безупречно владеть собственным телом”. На регулярных спаррингах я получал вполне достаточно болезненных синяков и ушибов, чтобы мой природный болевой порог со временем заметно повысился.

На время тяжелых зимних экзаменов мне пришлось ненадолго прервать свои походы в зал. Когда через месяц я наконец-то вернулся обратно к тренировкам, мне уже в ускоренном темпе пришлось догонять ушедших вперед согруппников. Мой сосед по комнате одобрительно кивал, когда я по вечерам предлагал ему немного размяться прямо перед сном. Он охотно и громко считал мои отжимания и глубокие выпады, заодно усердно упражняясь в правильном английском произношении чисел.

Привычное время стремительно улетало прочь. Ловя этот бешеный ритм большого города, я даже стал постепенно забывать, что в этот далекий город меня изначально привела не одна лишь слепая любовь к фундаментальной науке и тяга к биологии. Я редко, но продолжал совершать контролируемые перемещения в ту, солнечную реальность. Иногда обнаруживал там короткие ответные записки, которые аккуратно оставляла для меня моя параллельная копия. Путем этой странной переписки в тетради мы быстро выяснили, что у нас в наших мирах абсолютно одинаковые номера мобильных телефонов и схожее, бешеное рвение к учебе. Только он рос будущим успешным юристом, а я... я до сих пор до конца не верил, что действительно способен на такие пространственные аномалии. Впрочем, медицина в итоге безоговорочно оказалась моим истинным призванием. Она окончательно стала тем единственным делом, которым я твердо планировал заниматься всю свою жизнь.

В марте, уже вовсю учась на первом курсе медицинского, я впервые внезапно испытал странное, резкое чувство беспричинной тревоги. Желая немедленно проверить природу этого ментального сбоя, я привычно щелкнул пальцами в тишине комнаты и...

Оказался на грязном тротуаре возле какого-то кирпичного дома в совершенно незнакомом мне городе. Мимо неспешно брел хмурый старик.

- Простите, мистер, а вы не подскажете, что это за улица? - негромко окликнул я его.

Старик остановился и критично оглядел меня с ног до головы. Черт, мне определенно стоило сначала хорошенько подумать, прежде чем перемещаться в пространстве, даже не переодевшись после практического занятия в университетской лаборатории. По крайней мере, длинный серый медицинский халат перед прыжком точно следовало снять.

- Мы на Стэт-стрит, сынок, - прошамкал старик, недовольно щурясь. - Опять эти умники из Дитвилла в своих белых простынях по округе бродят...

- Дитвилл? - недоуменно переспросил я.

- Дитвилл! - злобно кивнул мой случайный собеседник, брызгая слюной от внезапной ярости. - Эта Богом забытая деревня совсем обнищала с тех пор, как там проклятый завод построили! А меня самого подчистую уволили сразу после их дурацкой реформы автоматизации...

Кое-как отвязавшись от ворчливого деда, я быстро свернул за угол ближайшего дома, судорожно щелкнул пальцами и мгновенно вернулся обратно в свое безопасное общежитие. Стало быть, рабочие поселки близ некоего Дитвилла. Оказавшись в своей комнате, я сразу же открыл большую атласную карту и быстро нашел этот отдаленный промышленный регион. Он находился еще дальше от моего родного дома, чем город - примерно раза в четыре. Вот куда в итоге закинуло альтернативную жизнь моего двойника. Действительно, всего в двухстах километрах от указанного города я отчетливо разглядел на схеме крупный студенческий городок. Видимо, именно там сейчас благополучно жил и учился другой я. Точнее, не там, а в параллельном мире.

Было забавно осознавать, что многие места, уличные маршруты и окружающие люди в том мире должны быть пугающе похожи на все то, что я привык видеть здесь. И все-таки фундаментальные различия существовали.

Мне было не по себе от четкого осознания того, что я могу случайно вмешаться в чужую судьбу и чему-либо фатально помешать. Однако я уже настолько привык к регулярным пространственным перемещениям, что совершал эти прыжки хотя бы раз в месяц. Постепенно для меня это становилось чем-то обыденным, похожим на дежурный воскресный звонок дальним родственникам в другую страну - исключительно с целью узнать, как их дела. А дела у моей копии со временем пошли совсем не туда, куда я ожидал.

Забастовка в Дитвилле вспыхивала за забастовкой, затем следовала еще одна. Снова и снова. Разъяренная толпа рабочих яростно и вслепую сопротивлялась вооруженным колоннам окружной полиции. Мой двойник в том мире был буквально полон глухой, яростной ненависти к действующему правительственному режиму.

Я толком не знал, чем именно их политический строй отличался от нашего, но чувствовал: там все шло совершенно не так. Люди, стоявшие в тесных протестных рядах прямо рядом со мной, гневно держали в руках транспаранты и самодельные плакаты с кричащими надписями: “Долой запуск „плана Дельта“!”, “Временное правительство - убийцы!”, “Требуем немедленной отставки!”.

Но у меня в моей реальности уже вовсю шел выпускной четвертый курс медицинской школы, на носу маячили финальные лицензионные экзамены, и уже почти год длилась изнурительная практика на клинических ротациях в психиатрическом отделении. Мне объективно было совершенно не до его чужих политических проблем, хотя удушливое ощущение необъяснимой тревоги по-прежнему появлялось у меня в груди регулярно.

В итоге я на время полностью перестал перемещаться в ту параллель, да и куда-либо еще. Учеба и лечебная работа поглотили меня целиком без остатка, а глубокий психиатрический анализ стал главным объектом моего фанатичного изучения. Я часами просиживал над историями болезней, пытаюсь до конца понять, по каким именно тонким клиническим критериям можно безошибочно отличить сложное пограничное расстройство личности от истинной антисоциальности.

Когда до официальной, финальной защиты моего медицинского диплома оставалось всего две недели, меня прямо посреди глухой ночи внезапно накрыло чужое, оглушительное и концентрированное чувство дикой, абсолютной радости. Сознание буквально затопило чужим триумфом. Ритм в виске, биение сердца, привычный автоматический щелчок пальцами в темноте палаты общежития.

Я увидел просторную двуспальную кровать, счастливый, хаотичный бардак на полу и чей-то дорогой смартфон на тумбочке, который буквально разрывался от бесконечных входящих звонков и текстовых поздравлений с рождением близнецов. Девочка Мишель и мальчик Марсель. Ого... Значит, Кин-юрист успел гораздо раньше меня обзавестись полноценной семьей. В первую секунду меня болезненно уколола глухая, эгоистичная зависть, но я лишь

устало и горько усмехнулся собственным мыслям. Меня определенно ждал совершенно другой, куда более мрачный путь, и я был в этом абсолютно уверен.

Приблизившись к столу, внимательно посмотрел на оставленную в рамке свежую фотографию младенцев. Они выглядели крошечными, розовыми и крикливыми - живое, осязаемое доказательство того, что "тот", параллельный Джей сумел-таки переиграть систему и построить свое тихое, легальное счастье.

Я аккуратно вывел шариковой ручкой на лежащем рядом чистом блокноте короткое: "Поздравляю".

И в ту же секунду физически почувствовал, как во рту разливается удушливая, непреодолимая металлическая горечь. Частоты сорвались, и меня мгновенно швырнуло обратно.

Моя личная врачебная практика после сдачи лицензионных экзаменов довольно быстро набирала обороты. По окончании университета мне приходилось очень много ездить по стране на различные научные семинары и крупные медицинские конференции, регулярно выступая со сложными докладами или часами слушая выступления зарубежных коллег.

Из сугубо положительных сторон: на этих протокольных мероприятиях было очень удобно мимоходом знакомиться с привлекательными молодыми женщинами-врачами, и зачастую такие конференции предсказуемо завершались бурными, ни к чему не обязывающими ночами в отелях. В отличие от своей благополучной параллельной копии, я совершенно не испытывал восторга от гипотетической перспективы семейной жизни. Я буквально с головой проваливался в эти пустотные, циничные развлечения с противоположным полом, которые изначально вели в абсолютное никуда. В основном мои случайные спутницы на одну ночь оказывались либо прочно замужем, либо с кем-то долго встречались. Я являлся для них лишь удобным, безопасным средством временного отвлечения и безболезненно отвечал им полной взаимностью.

Мне искренне нравилась такая беззаботная жизнь, хотя мои родные оставались от нее далеко не в восторге. Родители отчаянно хотели нянчить внуков, но "раздолбай-врач Кин" - именно так отец с матерью иногда в сердцах называли меня, когда пытались всерьез ругаться - совершенно не планировал осесть с одной единственной женщиной ради пресного, спокойного быта.

Напротив, вся моя текущая жизнь была смутно и странно похожа на какой-то забытый фантастический рассказ из далекого детства. Я лишь никак не мог вспомнить, на какой именно.

За пять лет я научился отличать ложь от психоза по расширению зрачков. Моя практика росла на дрожжах человеческого горя. Но по ночам, когда я закрывал глаза, я видел не диагнозы, а тень гидранта и слышал ритм чьих-то шагов.

В один из дней я снова не удержался и совершил прыжок.

На грязной, серой улице, прямо над головами бегущих в панике людей, буквально витала удушливая атмосфера первобытного ужаса. Я испуганно посмотрел на свежий выпуск вечерней газеты, торчащий из ржавого автомата на перекрестке. Крупные, жирные заголовки пестрили: "Невзирая на массовые забастовки, план „Дельта“ официально приведен в действие!"

Я поспешно подошел ближе, лихорадочно вчитываясь в мелкие подзаголовки хроники событий: "Э. С. Стоун. Инициация „Дельты“. Дрожжающими от напряжения руками с мясом выдернул газетный лист из металлической ячейки. В глаза мне сразу же бросились страшные, невозможные цифры: "Убито больше ста тысяч человек", "Э. С. Стоун официально назван главным ответственным за запуск смертоносного протокола".

Значит, все-таки не зря яростно бунтовали дитвилльские рабочие тогда, несколько мучительных месяцев назад... Но система их уничтожила.

В этот самый момент в моем кармане истошно и пронзительно зазвонил мобильный телефон моей параллельной копии, мой где-то валялся на столе лаборатории. На светящемся экране мгновенно высветился незнакомый, незарегистрированный в сети номер. Я рефлексивно нажал на кнопку приема вызова:

- Джереми?! Он всех убил! Он подчистую уничтожил Дитвилл! - истерично, срываясь на глухой, безумный крик, вопили на том конце беспроводной трубки. - Этот конченый мудака Стоун... Его точная наводка и эта гребаная Разведка! Я прямо сейчас принудительно отправляю на твой терминал все его личные данные из секретной базы! Выследи эту скотину, Кин! Слышишь?! Уничтожь его!

Нет, все это происходящее вокруг было слишком безумным, диким и абсолютно непонятным для моего человеческого разума. В ушах невыносимо, оглушительно загудело статическое электричество. Я едва сумел расслышать спасительный, ровный внутренний ритм биения собственного сердца и тяжелых шагов по мокрой земле. Резкий щелчок пальцами в этой зловещей темноте.

Обратный переход в мою реальность оказался настолько болезненным, что мне пришлось еще несколько минут неподвижно сидеть на холодном кафельном полу своей лаборатории, судорожно хватая ртом разреженный воздух. Кое-как отдышавшись, я с трудом поднялся на ноги и медленно подошел к рабочему столу, на котором ровной кипой лежали мои медицинские бумаги. Среди них сиротливо покоился старый, порванный в клочья листок из тетради.

Тот, параллельный Джей, судя по всему, отчаянно пытался что-то написать мне, но из-за обрушившегося на его мир кровавого ада он либо просто не успел этого сделать, либо в панике так и не нашел нужных слов. Какой-то человек по фамилии Стоун подчистую разрушил твою жизнь, насколько мне тогда стало понятно из звонка неизвестного контакта. Поначалу я цинично решил, что со стороны наблюдаю за тем, как обычный гражданский юрист и принципиальный защитник прав человека попытается разобраться с этим монстром. Но вся моя собственная текущая жизнь, вечные безликие отели, научные семинары и анонимный, пустой секс, внезапно показалась мне самым настоящим воровством.

Я буквально крал мирный покой у самого себя, пока тот, другой Джереми захлебывался в невыносимой скорби из-за чудовищного преступления некоего Стоуна. Ведь еще после болезненного расставания с Эмили я осознанно принял твердое решение никогда не заводить семью, чтобы свободное время посвящать исключительно психиатрическим исследованиям, учебе и мимолетным ночным свиданиям. Молча смотрел на эти рваные клочки бумаги и отчетливо чувствовал, как глубоко внутри закипает глухая, упрямая и злая решимость. В эту же ночь принял свое окончательное, бесповоротное решение: во что бы то ни стало начать искать любые зацепки и следы Селинджера при перемещениях. Я был намерен через них попытаться хоть как-то помочь самому себе в другой вселенной.

В том, параллельном измерении ты - безжалостное, кровавое чудовище, Стоун. А здесь... здесь ты вообще существуешь?

Свой тридцатый день рождения я провел в тесном кругу родных, ненадолго вернувшись в родной пригород. Постаревшие, но еще крепкие отец с матерью, их многочисленные братья и сестры с шумными детьми, а также старенькая бабушка по материнской линии создавали в доме такой невообразимый гам и суету, что мне лишь ближе к ночи с огромным трудом удалось вырваться в тишину своей старой комнаты. Здесь прошло всё мое детство, и оно действительно было счастливым - по крайней мере, я искренне верил в это до сегодняшнего дня. Я медленно провел ладонью по пыльным стопкам школьных тетрадей и учебников, с горькой улыбкой вспоминая далекие дни учебы, включая средние и старшие классы. Внезапно мой взгляд зацепился за пожелтевшие листки бумаги, упрямо торчавшие из одной особенно толстой тетради. Это была старая распечатка того самого псевдонаучного фантастического рас-

сказа, где главный герой точно так же безуспешно балансировал между параллельными вселенными. Я тихо, истерично рассмеялся прямо в темноту комнаты: по злой иронии судьбы, теперь перечитывал историю про самого себя. Вот только если бы в тексте существовал такой же чудовищный ментальный разрыв...

Спустя минуту я уже стоял на балконе, глубоко вдыхая ледяной воздух октября, но отчетливо ощущал на губах удушливый, осязаемый вкус пепла из того города в параллели. Мои руки крупно дрожали вовсе не от осеннего холода, а от первобытной, бешеной ярости человека, который только что заживо потерял собственных детей под дымящимися обломками. Но это была не моя дрожь.

Другая, благополучная жизнь моей копии была окончательно разрушена. И он, и я одновременно пребывали в диком бешенстве от того, как циничные правительственные власти вообще выдали официальное разрешение на подобное безрассудство. К тому моменту я уже выяснил, что произошло в той реальности. В населенном пункте под Дитвиллом, где счастливо жила семья моего двойника, грянул мощнейший техногенный взрыв, который буквально подчистую выкосил всех местных жителей.

Мой параллельный клон в тот день находился в рабочей командировке в совершенно другом штате, но вся его семья заживо сгорела в том пекле. Немногие выжившие коллеги Джея и уцелевшие дитвилльские бунтовщики оперативно слили ему информацию о том, кто именно из чиновников Разведки числился главным ответственным за этот страшный инцидент. Впрочем, глубокие внутренние страхи, психологический шок и общая неопределенность мешали ему сразу пойти напролом против карательной шпионской системы. Поэтому почти целый год его неприкаянно мотало по всему свету в бесплодных, хаотичных поисках непонятно чего и кого. Я изо всех сил пытался не вмешиваться в его трагедию, но периодически совершал прыжки и молча наблюдал за тем, как он обреченно перемещается по всему американскому континенту, превращаясь в призрака.

Я смертельно устал.

Устал от бесконечной врачебной практики.

От вечных мотаний по стране. От чужой, пустой, но удушливой ненависти, которая транслировалась мне прямо в мозг. Это были совершенно не мои эмоции, но они планомерно поглощали меня изнутри и мешали нормально дышать. И в этой ситуации никакие седативные таблетки мне бы уже не помогли.

Именно в тот день я дал себе твердую, суровую клятву: если дела и скорбь параллельных миров еще хоть раз насильно утащат меня из реальности, я больше никогда даже не попытаюсь завести здесь длительные отношения или полноценную семью. Да и свободного времени на это у меня объективно не оставалось. Ежедневно принимая огромные толпы пациентов, я, словно губка, впитывал в себя их тяжелые проблемы, застарелые страхи и переживания. Это изводило до крайности, вытягивая из меня последние жизненные силы.

Примерно через полгода после своего тридцатилетия я впервые взял официальный отпуск и три дня подряд безвылазно просидел дома, в абсолютной тишине. А затем, сорвавшись, выбрался в ночной клуб. Но стоило мне впервые за месяц привести случайную женщину в свою квартиру, как я ощутил сокрушительный удар в левый висок. Боль была жуткой, пронзительной, по всей клинической симптоматике похожей на острую кластерную атаку.

Я резко вскочил с кровати и судорожно обхватил голову руками, чем до смерти напугал свою полураздетую спутницу.

- Джереми, Боже... тебе плохо?

Судя по всему, в следующую секунду я просто потерял сознание от болевого шока, и она в панике вызвала скорую помощь. Пока мы ждали приезда медиков, все окружающее пространство воспринималось мной исключительно сквозь плотную темную пелену. Врачи кон-

статировали тяжелый приступ панической атаки. К моему благу, эту дежурную бригаду я прекрасно знал лично.

Докучливый фельдшер Чарли сразу попытался устроить мне профессиональный допрос, но я жестко пресек все его разговоры на взлете, внимательно посмотрев сначала на него, а затем на испуганную... а, блядь, я ведь в ту секунду даже не сумел вспомнить ее имя!

С тех пор я начал целенаправленные, фанатичные поиски конкретного виновника всех моих приступов чужих эмоций, истинный источник которых находился далеко за пределами этого мира. И первопричиной моего личного ада, как выяснилось, являлся некий Селинджер. Мне кровно необходимо было найти этого придурка во что бы то ни стало.

Мои поиски предсказуемо затянулись на пару мучительных месяцев полубессонных ночей. Днем мне приходилось стискивать зубы и работать в клинике, а в выходные - сутками отсыпаться в пустой квартире. Пространственные перемещения выматывали меня досуха. И чем дольше я физически находился за пределами своего мирного мира, тем хуже и слабее я впоследствии чувствовал себя в собственной реальности.

Часть 1. Сэл. Сны или явь? Глава 4.

Весной мне исполнилось пятнадцать лет. Пора средней школы для меня стремительно подходила к концу, к моей искренней радости и одновременно к легкой, щемящей печали. Впереди маячил пугающий переход в старшие классы. Мои преданные друзья, бесшабашные одноклассники и старые учителя - я отчетливо понимал, что совсем скоро навсегда покину это привычное здание.

- Сэл, поешь! Совсем худой стал с этими экзаменами, - весело сказал Рик, мой приятель, с которым я чаще всего сидел за одним столом в школьной столовой.

Сам я никогда не считал себя излишне тощим, но окружающие с завидным упорством твердили мне об этом. Местные девушки тоже частенько обращали на меня пристальное внимание просто потому, что считали симпатичным. Почему-то у некоторых девчонок в нашей школе привлекательный образ парня ассоциировался исключительно с кем-то чуть выше среднего роста, с густыми отросшими темными волосами, ясными голубыми глазами и повадками молчаливого тихони-компьютерщика. Я никогда намеренно не пытался напускать на себя загадочности, но считал, что именно из-за этой показной отстраненности люди так отчаянно и пытались узнать меня поближе.

Я отнюдь не являлся душой компании, однако меня регулярно приглашали на все крупные ученические вечеринки. Изредка возвращался домой с этих посиделок будучи слегка пьяным, за что потом знатно получал от своего старшего брата Ника. Он частенько и жестко меня задирал, искренне считая, что подобными методами сможет выковать из меня настоящего, крепкого бойца. Брат в итоге сначала ушел служить в армию, куда меня самого гарантированно бы не взяли из-за хронического недовеса, а после демобилизации успешно устроился на работу в полицию. Это принесло огромную радость нашим родителям, которые впоследствии без конца ставили мне в пример его правильную, понятную им жизнь. Но я категорически не хотел связывать собственную судьбу с чем-то подобным. Ник всю свою юность пытался сделать из меня выносливого солдата, но я всем сердцем ненавидел душливый запах чужого пота и глухой звук чужих ударов.

В компьютерном коде всегда существовала безупречная логика. В коде никогда не было физической боли. Я осознанно прятался за мерцающим монитором от завышенных ожиданий отца и матери, которые видели во мне лишь блеклую, слабую тень своего идеального первенца. Мне безумно нравилось проводить все свободное время за компьютером: писать небольшие простенькие программки, дотошно разбираться в сложном устройстве локальных сетей, часами играть в игры и просто беззаботно общаться с друзьями на форумах. Сразу после окончания школы я без труда поступил в университет на факультет программирования и с огромной радостью с головой погрузился в счастливые, летящие будни студенческой жизни.

В девятнадцать лет моя жизнь целиком состояла из бесконечных лекций и шумных вечеринок в домах и подвалах, расположенных неподалеку от студенческого общежития. В тот вечер я вышел на улицу, когда земля под моими ногами уже стала предательски шаткой, а ночной воздух показался мне слишком плотным и вязким.

- Ты уверен, что дойдешь? - донеслось откуда-то из табачного дыма за спиной.

- Да, конечно, без проблем, - отмахнулся я, уже повернувшись спиной к ним.

Я успел сделать всего пару неуверенных шагов по тротуару, когда меня резко зашатало в сторону. Уши мгновенно заложило сильным гулом, похожим на высоковольтное жужжание линии электропередач. Я бессильно осел на холодный асфальт и завалился на бок, сокрушительно ударившись левым виском о пожарный гидрант. От этого удара в глазах сначала ослепительно засверкали искры, а затем они погасли так же резко, как полностью отключилось мое

сознание. Глубоко в ушах едва слышно, ломано стучало сердце, и к этому затихающему стуку внезапно добавился еще какой-то чужеродный звук - тихий, мерный, пугающе размеренный топот.

- Эрни! - кто-то из сокурсников не на шутку перепугался.

- Вызовите скорую! - возглас из тех, кто уже выглянул на крик.

Машина скорой помощи приехала быстро. Последующие несколько недель прошли для меня в легком, удушливом тумане и непрекращающейся тошной дурноте. Я получил тяжелое сотрясение мозга, из-за чего все финальные летние экзамены мне в итоге пришлось со скрипом сдавать осенью.

И совсем скоро, в следующем месяце, я впервые отчетливо ощутил на себе первые пугающие последствия перенесенного сотрясения. Я снова беззаботно сидел в шумном доме на вечеринке вместе с друзьями. Все вокруг громко болтали, весело смеялись, из динамиков на полную мощность гремела музыка, как вдруг окружающий звук в моей голове мгновенно и полностью выключился. Наступила мертвая, звенящая тишина. И сквозь толстые кирпичные стены здания я внезапно услышал какой-то удаленный, но отчетливый звук, похожий на размеренный ритм тяжелых шагов по мокрой, вязкой земле. Я испуганно посмотрел в темное окно, но за стеклом ничего не увидел.

А затем эти странные слуховые галлюцинации начали стремительно учащаться и в конце концов пришли в мои ночные сны. Вместе с неизменным ритмом этих шагов каждую ночь снилась какая-то жуткая, давящая чертовщина. То огромный индустриальный город под вечным проливным дождем, где я неприкаянно бродил по серым улицам в глухой черной форме. То кто-то чужой, но внешне пугающе похожий на меня самого. Он молча шел далеко впереди, а я физически чувствовал колоссальный вес тяжелой снайперской винтовки на своем плече и знал: если я прямо сейчас остановлюсь, это свинцовое небо просто рухнет нам обоим на головы.

Я просыпался, тяжело дыша. Сердце колотилось как бешеное.

“Это просто слишком много крепкого кофе и нервов из-за пропущенных экзаменов”, - говорил я самому себе при свете настольной лампы. - “Надо срочно полностью завязывать с этими ночными компьютерными играми и наконец-то сдать этот чертов испанский язык”.

На третьем курсе института, в честь моей успешно защищенной курсовой работы и отличных результатов на окружной олимпиаде, родители подарили мне новенький скутер. Ник, разумеется, обкатал его самым первым.

- Держи, - он хлопнул по сиденью. - До шестидесяти быстро разгоняется.

Меня в тот момент снедала мальчишеская жажда скорости, поэтому я лишь согласно кивнул и счастливо улыбнулся в ответ.

Набрав на пустом шоссе около тридцати миль, я всюю гнал по округе. Губы сами собой растягивались в довольной улыбке, а сердце трепетало от восторга. Мне безумно нравилось кататься. Даже после сильного проливного дождя я чувствовал себя за рулем предельно уверенно. Но моя глупая самоуверенность в очередной раз меня жестоко подвела. На самом последнем повороте к нашему кварталу я не справился с управлением на скользком асфальте, и тяжелый скутер на полной скорости утащило в глубокий кювет.

Весь остаток лета я уныло провалился в больничной палате с тяжелым переломом ноги и повторным сильным сотрясением мозга. К моему огромному благу, в этот раз сотрясение тревожило меня куда меньше, чем раздробленная в области голени кость. Молодой организм восстановился достаточно быстро - к концу осени я уже вполне уверенно стоял на ногах. Однако с тех пор я панически боялся даже близко подходить к любой мототехнике.

А потом в мою жизнь вихрем ворвалась выпускная учеба, первая серьезная работа и редкие свидания. Именно тогда я встретил свою будущую жену, Эн. В те благополучные годы меня

до краев переполняло чистое человеческое счастье и искреннее желание жить. Затем последовала скромная свадьба, а следом - внезапная смерть отца. Мрачные ночные сны по-прежнему мешали мне спать, но я справлялся с ними своими силами. Так продолжалось до тех пор, пока ближе к тридцати четырем годам меня окончательно не накрыл затяжной экзистенциальный кризис, а ночные кошмары про черную форму и выстрелы не dokonали мой рассудок окончательно.

Когда? Когда я перестал видеть друзей неделями, а затем месяцами? А потом перестал вовсе.

С головой ушел в работу, в быт с женой. Она работала дома, удаленно делала переводы статей, плюс ее хобби тоже стало приносить деньги, хоть и небольшие. Невзирая на общий бюджет, львиная доля семейного дохода лежала на мне. Наши отношения были как идеально настроенный механизм: тихие, надежные и абсолютно мертвые. Я смотрел, как она переводит статьи, и ловил себя на мысли, что не помню цвета ее глаз без линз. Бытовуха не "съела" индивидуальность - она стала саваном, под которым я прятался от гула ритма в ушах и своих кошмарных снов. Сейчас, когда с тех пор прошло уже столько лет, мне сложно сказать, в какой именно момент рутина окончательно погребла под собой наши чувства.

Я постепенно превратился в самого обычного, среднестатистического офисного клерка, который всем своим серым существованием был обязан исключительно свободным субботам. Моя жизнь больше не отличалась решительно ничем особенным, и когда я шел по улице, то мгновенно и бесследно смешивался с толпой. Мне было уже почти тридцать четыре года, но я напрочь потерял привычный счет времени и дней. Генетика явно смилостивилась надо мной: я выглядел и одевался как типичный студент-старшекурсник, находящийся на полном обеспечении состоятельных родителей. Жил в обычной тесной квартирке с женщиной, которая почему-то все еще меня искренне любила. Вся семья меня любила, особенно мать. Старший брат Ник тоже, но он всегда оставался крутым, сильным мужиком, и в далеком детстве вечно заставлял меня чувствовать себя беспомощным сопляком на его фоне.

Каждым утренним рассветом я искренне жалел, что не вымер вместе с динозаврами. Где-то совсем рядом на кровати спала жена, мирно посапывая после затянувшихся вчерашних ночных просмотров кино. А мне, увы, приходилось пересиливать себя, вставать и ехать на опостылевшую работу. Я смутно помнил, что накануне собирался взять с собой пару важных документов и перепроверить финансовые отчеты. Как странно: в мои прямые обязанности это вообще никогда не входило, но после недавней волны массовых увольнений в компании я уже абсолютно ничему не удивлялся. Ну, кроме разве что того факта, что меня самого до сих пор по чистой случайности не сократили. Пока внутри меня продолжалась глухая борьба между отчаянной попыткой выспаться и паническим желанием не опоздать в офис, в глубине кармана домашнего халата внезапно раздавалась настойчивая трель мобильного. Бодрый голос матери по ту сторону связи прозвучал для моих ушей слишком громко и резко, так что я невольно поморщился.

- Сэл, ты не забыл, что в пятницу у твоего брата годовщина свадьбы?

Забыл, разумеется. Моему брату повезло, в пятницу он сможет полностью посвятить себя приготовлениям к пьянке и отдохнуть в субботу.

- Нет, мам. Я приготовился, - включив громкую связь, уже натягивал футболку, стоя перед зеркалом в ванной.

- Он просил купить в подарок что-нибудь по дому...

Эти слова вызвали у меня внутри едва ли не рвотные позывы. Шоппинг и затяжные походы по торговым центрам - это худшее, что вообще умудрилось придумать человечество.

Плотный, переполненный вагон метро, болезненный, застоявшийся воздух подземки. Всего лишь двадцать минут утомительной тряски в вагоне, и я наконец-то оказался на месте. Утреннее солнце со своим скупым, блеклым теплом светило мне прямо в глаза. Но огромный стеклянный бизнес-центр уже вырос рядом, и я буквально влетел в распахнутые стеклянные двери, дежурно и приветливо помахав рукой знакомым охранникам на проходной. В нашем просторном офисе в этот ранний час находилась только Джесс, и та, судя по ее лицу, пребывала явно не в духе.

- Привет, мисс Рид, - негромко поздоровался я, проходя мимо ее стола.

- Эрнест, ты принес мне итоговые отчеты по работе нашего IT-отдела?

Как всегда грубо и по-деловому. Впрочем, чего еще стоило ожидать от ее жесткого характера. Я молча кивнул в знак подтверждения и целеустремленно направился на кухню, чтобы заварить себе первую чашку крепкого кофе. Вдогонку мне прилетел лишь недовольный, резкий возглас:

- Ты обещал еще позавчера их принести, хватит задерживать сроки!

Какая к черту разница - позавчера, завтра или через две фазы Луны? Кому-то еще есть дело до этих бумажек в наш цифровой век, можно подумать.

- Окей, мисс Рид.

В обеденный перерыв у нас имела славная традиция - каждый ходил на ланч по отдельности. Так как никому нет дела до коллег, никто не хотел трепаться попусту. Не скажу, что мне не нравился данный метод, но порой, сидя в парке под деревом с сэндвичем в руках, становилось скучновато, хотелось просто поболтать о разных вещах, да хоть о погоде.

Вот как и сегодня. Ленивым взглядом я отмерил по часам точное время, отведенное руководством на обед, у меня в запасе осталось всего восемнадцать минут. На ланче драгоценные минуты всегда летели слишком быстро. Подавив вздох, я набрал номер жены.

- Эн, я сегодня как обычно приеду, без опозданий. Ты дома?

Сквозь шум воды послышался голос супруги.

- Да, Сэл, хорошо. Ты не забыл про пятницу? - заботливо спросила супруга.

Эн - моя дорогая жена, в вечном ожидании меня с работы целыми днями безвылазно находилась в домашних делах и мелких фриланс-подработках. Вот уже седьмой год я тщетно пытался до конца понять, что же эта красивая женщина вообще во мне такого нашла, что в свое время добровольно решила обменяться со мной клятвами верности на глазах у нашей многочисленной родни.

Но, услышав этот вопрос во второй раз, тяжело вздохнул.

- Сэл?

- Да помню я... - устало ответил ей и быстро перевел тему. - Что купить по дороге домой?

- Хм, - десятисекундная пауза. - Возьми воды, обычной. И молока, пожалуй.

- Ладно, - я сбросил вызов и посмотрел на недоеденный сэндвич.

Внезапно на меня напал приступ тошноты при виде мешанины в хлебе. Быстро поднявшись на трясущихся, мгновенно ослабевших ногах, я брезгливо выкинул этот фастфудный хлам в ближайшее мусорное ведро и медленно пошел обратно в сторону офиса. Голова немного кружилась, но я списал это на уличную духоту.

Однако на самом подходе к зданию бизнес-центра у меня внезапно подкосились колени, и я тяжело привалился плечом к металлическому дорожному ограждению. Странная серая пелена перед глазами плавно перемещалась вместе с моим затуманенным взором. Что именно происходило с моим организмом, я решительно не мог понять, но надеялся, что еда в кафе просто оказалась несвежей. Хотя в глубине души я уже догадывался, что это совершенно другое - живот не подавал абсолютно никаких болевых сигналов. Я замер и дал себе ровно минуту на вынужденную передышку. Ничего, мисс Рид вполне подождет на рабочем месте, она и сама была той еще любительницей опаздывать с обеденного перерыва.

Я облокотился на пыльный забор, пытаюсь дышать глубоко и спокойно, но получалось плохо. Перед глазами расплываются прохожие, их силуэты, их образы. Искажались, менялись, словно я смотрел на мир через разные цветковые призмы. Судя по наручным часам, прошло около трех с половиной мучительных минут, прежде чем мой затуманенный взгляд наконец-то смог фокусировать происходящее вокруг более-менее четко. Я с трудом оторвался от спасительной ограды и медленно направился к главному входу в офис. Прямо на проходной меня неожиданно окликнул старший сотрудник безопасности.

- Эрнест?! Ты что здесь делаешь? - на лице старшего начальника смены охранного отделения Арнольда застыло удивление.

- В смысле - что? - я чуть не поперхнулся воздухом. - Вернулся с обеда.

- Но ты уволился три недели назад. - Арнольд сверил записи в своем планшете, - Вот, смотри.

Он ткнул толстым пальцем прямо в светящийся цифровой экран. Жмурясь от рези в глазах, я попытался разобрать мелкий системный шрифт. На дисплее четко значилось: "Эрнест Селинджер Стоун, закрытие постоянного пропуска с двадцать девятого мая... увольнение по собственному желанию...".

- А... - я судорожно попытался изобразить невинный, будничный вид, чтобы ни в коем случае не пугать окружающих и самого себя. Я хотел соврать, на ходу придумывая хоть сколько-то правдоподобную историю и стараясь не терять уверенного тона. - Да я просто зашел по одному важному, незаконченному делу к руководству. Обещали лично выдать мне рекомендательные письма.

Арнольд внимательно всмотрелся в меня, затем расслабился и кивнул.

- Хорошо, Кин. Но правила есть правила: сначала тебе придется пройти формальный личный обыск и оформить временный гостевой пропуск, - с этими словами он жестким, профессиональным жестом указал мне на дверь досмотрового кабинета у самой проходной.

Я молча зашел внутрь и принялся послушно выкладывать содержимое своих карманов на пластиковый поднос. Ключи от квартиры, мобильный телефон, какая-то неизвестная миниатюрная гарнитура скрытого ношения. Как странно... Откуда у меня в кармане вообще могла взяться эта профессиональная гарнитура? Но додумать эту мысль я не успел. Пальцы наткнулись в подкладке куртки на еще один посторонний предмет. А это что еще, черт возьми, такое?!

Арнольд вытащил из моего кармана складной нож. Причем не просто атрибут местных пьяниц, которые использовали его как открывалку и как решение в пьяных спорах за новую дозу, а нечто из фильмов ужасов. Нож имел изогнутое хищное лезвие темного матового цвета, спирально закручивающееся примерно на длину ладони. Рукоятка, служившая одновременно и плотным защитным футляром, имела довольно потрепанный, старый вид. Прямо на металле была грубо высечена отчетливая надпись на латыни: "Alea iacta est".

- Прости, Эрнест, но это я тебе не позволю пронести в здание, - Арнольд строго, с явным подозрением взглянул мне прямо в глаза. - И вообще, откуда ты взял это оружие? Это же мало того, что довольно раритетная вещь, так еще и смертоносная.

- Это не мое... - я попытался собраться с мыслями. Но в ушах начал слышаться отдаленный ритм. Он постепенно, неумолимо нарастал с каждым ударом пульса. Сначала я каким-то мистическим образом умудрился уволиться с работы три недели назад, а теперь кто-то незаметно подкинул мне в подкладку эту острую смертоносную штуку. Какие еще сюрпризы приготовил мне сегодняшний день?

Миновав проходную, я медленно поднялся по лестнице, пытаюсь отдышаться. Чужеродный ритм в голове, к моему облегчению, начал плавно стихать. Все мои личные документы

и этот странный нож Арнольд наотрез оставил у себя на посту, прямо заявив, что совершенно не собирается рисковать безопасностью бизнес-центра.

Пустынная лестница перед моими глазами медленно меркла в блеклых потоках света ламп, который причудливо перемешивался со слепящими лучами полуденного солнца. Окружающий мир снова поплыл, но ноги послушно делали шаги по бетонным ступеням вверх. Наконец показался нужный этаж. Мне до безумия хотелось высказать высшему начальству все, что я думаю об их методах увольнения сотрудников задним числом. Влетая в свой привычный кабинет, я с огромным удивлением обнаружил, что абсолютно все вещи находятся на своих прежних местах - ровно так же, как и было до моего ухода на обед. Вот на углу стола валялся скомканный лист отчетности, который я в сердцах смял со злости, когда Джесс в очередной раз отказалась принимать готовые данные. Рабочий мобильный телефон на столе тихо, но настойчиво вибрировал, постепенно перекатываясь по полированной поверхности к самому краю. Я успел рефлекторно поймать его на полпути к фатальному падению на ламинат.

- Сэл, ты что, опять мобильник продолбал где-то?!

Мама корректна, как всегда.

- Я перезвоню.

- Что?! Не смей сбрасывать, когда я с тобой говорю!

“Ага, и что ты сделаешь? Поставишь меня в угол?” - раздраженно подумал я. Прямо сейчас у меня имелись дела куда важнее пустой болтовни о грядущей пятничной пьянке. Напрямую, выяснить, какого хрена у меня весь день скачет артериальное давление и на каком основании меня выставили из компании.

Через пару минут услышал стук каблуков за дверью. Точно Рид, снова опоздала с ланча.

- Мисс Рид, объясните, на каком основании меня уволили, - мой тон не внушал ничего радостного.

- Чего? - Джесс уставилась на меня с неподдельным удивлением, в котором не было ни грамма фальши. - Стоун, ты что там на своем ланче курил?

- Объясните мне, почему начальник смены охраны на входе наотрез отказался сегодня меня пропускать, мотивируя это моим официальным увольнением три недели назад?

- Хватит уже дурь курить вместе с патрульными на проходной, Стоун! Иди немедленно работай! - Рид была недовольна тем, что я попусту тратил ее время на свои якобы шуточки. Повернувшись на каблуках, она с сердитым топотом направилась вглубь коридора, дошла до своего кабинета и хлопнула дверью.

Черт, да как же так? Я сильно ущипнул себя за предплечье, надеясь, что вся эта утренняя ерунда мне просто снится в затяжном кошмаре. Но на коже мгновенно остался отчетливый красно-синий след, и тупая боль через мгновение волной разлилась по руке. Теперь на этом месте останется синяк. Продолжая мысленно ныть и лихорадочно думать о том, что же я такого испорченного съел на ланче, медленно направился к своему рабочему столу. Значит, на проходной произошла обычная системная ошибка? Я резко рванул на себя мышку. Экран компьютера тускло моргнул, безжалостно отражая мое осунувшееся, бледное лицо. Текущая дата в правом нижнем углу монитора и день недели - среда. Все верно.

Весь остаток рабочего дня я тщетно пытался разобраться в том, что же со мной произошло, но так и не нашел ответа. Вечером, уже перед самым уходом, снова зашел на центральный пост охраны, где меня в досмотровой комнате попросту подняли на смех, когда я настойчиво попросил дежурных вернуть мои личные вещи и складной нож. Новая смена понятия не имела, о чем я говорю, а Арнольд уже ушел домой. На всем пути к дому меня плотно сопровождал проливной ливень - самый первый за эту засушливую неделю.

Потоки грязной воды на асфальте медленно заполняли все сухие, глубокие трещины на дорогах, беспощадно превращая остаток этого безумного дня в холодный, мокрый вечер.

Тяжелые капли будто танцевали с порывистым ветром, хаотично изменяя направление то в одну сторону, то в другую, то внезапно останавливаясь плотной сплошной стеной, словно они брали короткую паузу. Все глубокие провалы в асфальте стремительно наполнялись дождевой водой, которая, мгновенно перемешиваясь с дорожной пылью, превращалась в мутный грязный ручей.

Часть 1. Сэл. Глава 5. Далеко от дома.

Я вглядывался в этот бесконечный танец, который стал чем-то единым со мной. Все остальное пространство вокруг стремительно исчезало, точно подергиваясь плотной серой пеленой, точь-в-точь как это уже было сегодня днём на улице

- Молодой человек, вы на следующей выходите? - справа раздался внезапный вопрос от пожилой женщины. Это выбило меня из мыслей. Оказывается, я занял проход на выход, уставившись в одну точку на протяжении всего пути. Я огляделся и увидел осуждение в глазах незнакомых людей.

Тщетно выглядывая в мелких придорожных лужах хоть какие-то ответы на вопросы о том, что вообще вокруг происходит, я даже не заметил, как дошел до своего дома. Наша привычная квартира встретила меня гнетущей пустотой и странным, затхлым запахом заброшенного жилья. Где Эн? Я лихорадочно вытащил мобильник из кармана куртки и набрал номер жены, сначала даже не обратив внимания на то, что набранный цифровой контакт на экране почему-то больше не определялся ее именем.

- Алло, - какой-то отстраненный голос Эн слегка меня задел.

- Ты где?! - я начинал уже злиться, ведь мне более чем хватило позорища и странностей на работе.

- Дома... - тихо, неуверенно ответила она, но затем в трубке возникла секундная пауза, будто женщина на том конце провода спохватилась. - А вы, простите, кто вообще такой?

- Сэл. Твой... - мой палец сам судорожно нажал на кнопку сброса вызова. Внутренний код сработал раньше сознания: мозг подсознательно пытался уберечь меня от ломания лишних дров.

Бессильно опустившись на грязный пол прямо в прихожей, я принялся пристально разглядывать доступные детали квартиры, куда только доставал моим затуманенным взглядом.

Все вокруг было совершенно не так, но я никак не мог уловить умом, что именно изменилось. Куда-то бесследно делись яркие цветные коврики из открытой двери ванной, исчезли легкие белые шторы на кухне. Сама кухня, впрочем, как привычное место тоже отсутствовала - она внезапно превратилась в холодное, голое помещение со старым столом, на котором громоздким слоем был навален какой-то армейский хлам, подозрительно похожий на герметичные упаковки из-под сухого пайка. Медленно поднявшись на ноги, я на неслушающихся конечно-стях прошел в спальню. Там стояла одинокая двуспальная кровать, которую, судя по её виду, никто давно не заправлял.

От резкого запаха застоявшейся пыли в этой темной комнате мне даже пришлось брезгливо поморщиться. Возникло стойкое ощущение, будто сюда никто не заходил уже добрых пару месяцев. Вокруг не наблюдалось вообще никаких следов нашей долгой супружеской жизни - словно Эн вообще никогда не существовало в моей реальности. Толстый слой пыли на полу, серая грязь на занавешенном голом окне. И плотная стопка тяжелых черных вещей, небрежно сваленных в угловой открытый шкаф, окончательно завершала эту композицию тотальной, пугающей разрухи.

Я медленно прошел в гостиную, в которой меня внезапно встретил кровавый закат. Впрочем, гостиной это место теперь тоже было сложновато назвать - передо мной раскинулось просто голое помещение с одиноким черным двухместным диваном, сиротливо стоящим у окна. До моего сознания далеко не сразу дошло, что никакого заката из этого окна я физически никогда не мог видеть. В моем мире закатное солнце всегда наглухо закрывалось высоким, массивным зданием городской управы. Теперь же на его месте не было абсолютно ничего, только пустой, выжженный горизонт. Я ошарашенно метался по чужой квартире, судорожно пытаюсь найти хотя бы одну мелкую зацепку, доказывающую, что мое мирное утро с Эн не было обыч-

ным сном. Как и вся моя прежняя жизнь. Примерно через час я настолько смертельно устал, что бессильно осел на жесткий край незаправленной кровати. Спать в этом жутком месте мне категорически не хотелось - это был совершенно не мой дом. И тут я понял, кто единственный во всей вселенной мог бы мне сейчас помочь.

- Алло, - сонным голосом коротко сказала мать.

- Мам, привет! - несмотря на все сегодняшние странности, было безумно радостно слышать родной голос.

- Кто это? - встревоженным голосом ответили в динамике.

- Эм... - да ладно! И ты туда же!

- Мам, ты что? Это я... Сэл.

- Эрнест?! Откуда у тебя вообще взялся мой номер?! Не смей мне больше никогда звонить! - короткие гудки влетели вслед за разгневанными криками.

Я глубоко вздохнул, пытаюсь унять дрожь. Вторая попытка. Старший брат точно обязан был знать, какого хрена здесь вообще происходило. На этот раз я твердо решил опередить события, не дожидаясь его глупых расспросов.

- Ник, это Сэл. Ты дома?

- О, братец Эрн... Где же ты пропадал все это время? - усмехаясь, ответил брат. До этого он никогда так со мной не говорил. Но, покосившись на собственное предплечье, где все еще отчетливо синел утренний синяк от щипка, я решил, что в любом случае придется продолжать вести себя как ни в чем не бывало. Терять мне было уже нечего.

- Ты так и собираешься молчать? - нарушил тишину брат. - Расскажи о том, каково это.

- Каково что?

- Ну, ты ведь знаешь... Убивать столько людей.

Меня передернуло.

- Ник, где ты сейчас физически живешь? - мне нужна была очная встреча лицом к лицу, чтобы окончательно понять, не ошибся ли я городом снова.

- Когда же ты выучишь мой адрес... Самитад десять.

- Какой город? - Ник раздраженно цыкнул.

- В Дахо, на севере города. Буду ждать с нетерпением, - с этими словами Ник отключился.

Солнце за окном уже давно село, но мне было абсолютно не до сна. Как вообще можно было спокойно спать в этой жуткой куче чужой пыли и старого грязного тряпья? За долгие годы счастливой жизни с Эн я слишком сильно привык к домашнему теплу и уюту, так что теперь, оказавшись в глухом тупике этой гниющей одиночеством квартиры, я попросту не понимал, что мне делать дальше. Самое страшное заключалось в том, что моя Эн со мной в этом мире даже не была знакома. Собственная мать заявила, что я подло предал семью, а старший брат уверенно утверждал, что я - убийца. Все это пугающе походило на какой-то глупый, затянувшийся ночной кошмар, из тех самых, что регулярно снились мне вплоть до недавнего времени.

Я лихорадочно покопался в старом тряпье на полках шкафа в спальне, отчаянно надеясь отыскать хотя бы одну уцелевшую вещь. Мне нужно было хоть что-то, что помогло бы наконец понять, кому на самом деле принадлежит эта проклятая квартира. Внезапно мои пальцы наткнулись в темноте на плотную пачку документов. Это была серая, потрепанная папка на простых резиновых завязках, с какими раньше ходили студенты, подшивая рукописные курсовые работы или распечатки докладов. На мгновение зажмурившись от подступившей дурноты, я решительно открыл картонный переплет. Внутри лежали международный паспорт и служебное удостоверение некой Разведки - международного правового агентства, созданного при поддержке ОБС. Мое имя. Мой реальный год, день рождения. С официальной глянцевого фотографии на меня в упор смотрел я сам.

Но с этим снимком тоже было что-то не так. Желая рассмотреть детали, я поспешно подошел к окну. Холодная луна и редкие уличные фонари ярко светили сквозь грязное стекло,

и я, сильно прищурившись, принялся дотошно разглядывать незнакомца на фото, на котором отчетливо виднелись защитные следы переливающейся голограммы. В том, что на снимке запечатлен именно я, никаких сомнений не возникло. Но откуда, черт возьми, у меня взялись эти глубокие шрамы на лице - один на нижней губе, а второй, рваный, на правой брови? Я испуганно ощупал собственные губы и бровь тонкими пальцами - нет, кожа на моем лице по-прежнему оставалась стерильно гладкой. Я почти физически чувствовал противоестественную, жуткую подмену в самом себе. Это был совершенно не я. Не я мертвым взглядом смотрел на самого себя с этой фотографии, и точно не я годами жил в этой кошмарной, пустой квартире.

Глубокой ночью воздух казался гораздо свежее, чем душным днем, но только ближе к утру дышалось по-настоящему легко. Быстрым шагом я дошел до центрального городского автовокзала. В округе круглосуточных станций уже почти не осталось, но эта, к моему благу, всё ещё продолжала полноценно функционировать.

- Один, до Дахо, - негромко попросил я.

Кассир за пуленепробиваемой перегородкой пристально посмотрела на меня, затем протянула сдачу и билет.

- Подождите...

Сквозь тяжелый, басовитый шум работающих на перроне двигателей я отчетливо слышал ее испуганный оклик. Остановившись у дверей, я недоуменно обернулся. Женщина смотрела на меня сквозь стекло, и в ее широко раскрытых глазах пульсировал настоящий, первобытный ужас.

- Вы... вы ведь не тот человек, о котором сейчас без конца говорят во всех новостях? - спросила она, не сводя глаз с моего лица.

- Мисс, я не понимаю, о чем вы, - развел руками я в ответ, отступая.

Быстро зайдя в салон пригородного автобуса, я краем глаза заметил, как кассирша набирает какой-то номер на стационарном телефоне. Смотря в мое окно наполненным ужасом взглядом, она что-то быстро и лихорадочно говорила в трубку. Немногочисленные ночные пассажиры подозрительно косились в мою сторону, украдкой и хмуро разглядывая мой силуэт. В голову пришла глупая мысль: может быть, все дело в том, что я банально не переодевался со вчерашнего дня? И теперь, в одной помятой футболке и старых джинсах, пыльных от лаза-нья по заброшенной квартире, грязных и насквозь пропитанных потом, я просто выглядел как бродяга? Мне подумалось, что сразу по приезде надо будет попросить какую-нибудь чистую одежду у Ника, а эту закинуть в стирку. Да о чем я, черт возьми, вообще сейчас думаю?! Какой быт, какая стирка?

Автобус наконец-то тяжело начал движение. Но не прошло и двадцати минут, как он затормозил и полностью остановился прямо посреди темной, абсолютно пустой автострады. У меня отчаянно слипались глаза, но, внезапно почувствовав нарастающую суматоху и испуганный шепот в салоне, мне пришлось насильно вынырнуть из дремоты.

Водитель открыл передние двери, и в полумрак автобуса быстро вошли двое мужчин в строгой форме полиции. Они уверенным, тяжелым шагом направлялись по проходу прямо в мою сторону. Я заметил, как стремительно менялось выражение их суровых лиц по мере того, как они приближались и детальнее разглядывали меня.

- Эрни, давай без глупостей. Спокойно пройдем с нами, только максимально тихо, - старший по возрасту и, судя по шевронам, по званию офицер подошел к моему креслу на расстояние около метра.

Я опустил взгляд и отчетливо увидел оружие в его опущенной правой руке. Прекрасно понимая, что здесь, в замкнутом пространстве, мирно решить этот вопрос у меня при всем желании не получилось бы, я подчинился.

Пришлось выйти из теплого салона автобуса на пронизывающий, холодный ночной воздух. Из-за дикого стресса, перепада температур и неопределенности мое тело к тому моменту уже изрядно потряхивало мелкой, нервной дрожью.

- Простите... - я закашлялся, вдыхая пыль от уехавшего автобуса. - Вы меня с кем-то перепутали.

- Не гони уже, беглец чертов. Твою рожу-то не узнать... - Марти дернулся к кобуре, но старший напарник вовремя и жестко накрыл его ладонь своей ладонью.

- Думаешь, шрамы свести так легко? - спросил он у напарника и повернулся ко мне. - Эрнест, ты срочно нужен высшему начальству, тебя по всему Дахо весь сегодняшний день безуспешно искали. Куда именно ты пропал?

- Не понимаю, о чем вы, - вот теперь парировать уже нечем, я правда не знал, что они несли. - Меня зовут Эрнест Селинджер Стоун и я работаю в компании "Триал-трейд" в центре города.

- Триал-трейд, говоришь? Уж не к ним ли в прошлом месяце налоговая заявила, - старший сделал непонятный жест руками, как бы делая замах в районе грудной клетки, - чтобы официально объявить о полном банкротстве фирмы? И не у них ли ты работал весь последний месяц в рамках своей операции под прикрытием?

- Нет, я работал там совершенно официально. Не под прикрытием.

Но в этот же миг мне внезапно вспомнилось то самое таинственное удостоверение из серой папки. Что там конкретно было напечатано? Разведка международного правового агентства при поддержке ОБС. Чем вообще, черт возьми, занималась эта организация?

- Ладно, Стоун, завязывай с клоунадой. В общем, нечего тебе больше без дела ошиваться среди мирных гражданских, они уже по горло насыщены о твоих "подвигах". В крупных общественных местах, вроде автобусной станции, люди могут легко поднять ненужную шумиху. Тебе чертовски повезло, что на этот вызов перехвата приехали именно мы с Марти, а не зеленые новенькие из патруля. Те бы тебя без лишних слов повязали прямо в салоне, и бог его знает, чем бы в итоге кончилась ваша силовая возня.

Старший напарник Марти цинично усмехнулся и подал короткий знак коллеге, чтобы тот направлялся обратно в сторону служебного автомобиля. Я же так и остался стоять на темной обочине хайвея, мелко поеживаясь от резких и ледяных порывов ночного ветра.

Полицейский "эскард" поравнялся со мной, с переднего сиденья высунулся старший.

- Так и будешь тут стоять? Судя по маршруту, ты направлялся в Дахо. Садись.

Впервые в своей жизни я ехал на заднем сиденье полицейской машины. И, даже формально не будучи заключенным, задержанным или в чём-то провинившимся перед законом, физически чувствовал жуткий, липкий дискомфорт. Сидевшие впереди стражи порядка лениво вели между собой пустой, будничным диалог о совершенно непонятных мне вещах, вроде рутинного заполнения внутренней документации по делам какой-то статьи девяносто пять. Гул двигателя, до этого момента почти бесшумный, внезапно начал стремительно нарастать в моих ушах, полностью перекрывая их чужие голоса. Я судорожно закрыл глаза и отчаянно попытался представить себе что-то более приятное, мирное и осязаемое.

Свое вчерашнее утро, ленивый ланч в парке под раскидистым деревом. Последний короткий разговор с Эн, утренний звонок маме... Менее чем за одни неполные сутки вся эта вселенная куда-то безвозвратно исчезла. Меня словно полностью парализовало изнутри. Когда я с трудом открыл веки, первым, что увидел сквозь боковое стекло автомобиля, оказалась дорожная вывеска: "Дахо, 2 мили".

- Остановите здесь.

Голос, который только что жестко потребовал немедленной остановки, не принадлежал прежнему испуганному Сэлу Стоуну. Он прозвучал пугающе сухо, низко и совершенно не терпел никаких человеческих возражений.

- Что ты забыл посреди дороги? - удивленно уточнил старший, но все же направляя машину на обочину.

- Пешком пойду,- глухо бросил я, и в темноту трассы вылетел негромкий хлопок закрывшейся двери.

- Начальство просило тебе передать, Стоун: если не выйдешь с кураторами на связь ровно через час - мы объявим тебя в федеральный розыск уже по-настоящему

Полицейская машина, резко и шумно развернувшись посреди пустынного хайвея, на полной скорости мгновенно скрылась в поднимающемся облаке дорожной пыли.

Часть 1. Сэл. Глава 6.

Ноги почти не ощущались. Еле волочась по обочине, прищуриваясь из-за редкого свечения фар встречных машин, я постепенно замедлялся, пока в какой-то момент обессиленно не упал на колени прямо в придорожную пыль. Все тело ломило, разум не поддавался контролю и просил пощады от хаоса в мыслях. Обернувшись, я тяжело вздохнул - прошел совсем чуть-чуть.

Тем временем на горизонте уже плавно светало, и предрассветный воздух постепенно становился теплее.

Кое-как дойдя до самой окраины Дахо, я случайно заметил небольшой заброшенный пруд в двадцати метрах от обочины дороги. Водоем выглядел грязным, наглухо заросшим диким розогом и болотной осокой. У кромки воды росло несколько чахлах кустарников, которые из-за постоянных ядовитых паров различного автомобильного топлива почти полностью высохли. В этот момент во мне внезапно зашевелилось странное, инстинктивное любопытство, и я невольно прибавил скорость, целеустремленно направляясь прямо туда. Мутное свечение серой воды в ранних косых лучах солнца постепенно меня успокаивало. Я устало сел на сухую землю, стопами почти касаясь влажной кромки водоема. Вода в пруду не просто тускло светилась - она вопреки полному безветрию шла мелкой, пугающе неестественной рябью. Плотная грязь и радужная масляная пленка на поверхности на моих глазах складывались в странные концентрические узоры, отчетливо напоминая зрительный отзвук того самого тяжелого топота шагов.

Доставая из кармана мобильник, я поначалу даже не заметил, как вместе с телефоном на ладонь сам собой скользнул тот самый складной нож. Видимо, я каким-то образом умудрился незаметно забрать его обратно с поста охраны на чистых рефлексах, пока Арнольд заполнял гостевой бланк. Что все-таки означала эта высеченная на латыни надпись? Моего технического образования в IT-сфере здесь явно было недостаточно, а выйти в интернет в этой глуши оказалось нереально - старый аппарат ловил лишь сотовую связь для звонков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.